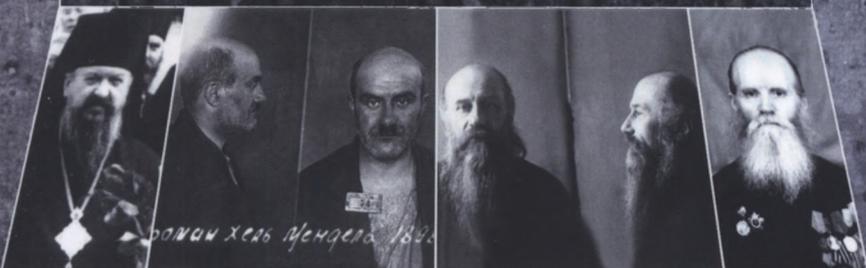

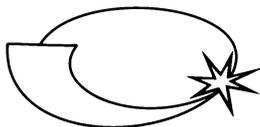
Библиотека Уполномоченного по правам человека
в Пермском крае

С ВЕРОЙ В ДУШЕ И СОВЕСТЬЮ В СЕРДЦЕ

Сборник очерков

Библиотека Уполномоченного
по правам человека в Пермском крае

С верой в душе и совестью в сердце

Сборник очерков

Пермь, 2019

УДК 322.24
ББК 94.3
К 60

К 60 Дегтярников В.В., Кадыров И.М., Колдушко А.А., Миков П.В., Новиков П.В., Селянинова Г.Д., Софьин Д.М., Уразова К.Н. С верой в душе и совестью в сердце/[сост. Нечаев М.Г., кандидат исторических наук, доцент; под общ. ред. Микова П.В.]. — Пермь: 2019. — 160 с.

М.: Общество с ограниченной ответственностью «Буки Веди», 2019. — 160 с.

В сборнике представлены истории священнослужителей, подвергшихся гонениям в годы «красного террора». Описаны следственные дела и исторические хроники тех, кто был осужден за веру, за служение обществу в религиозном аспекте. Авторы сборника — историки Пермского края. Материалы сборника могут быть использованы для обучения в системе общего, профессионального и дополнительного образования, для профессиональных историков и религиоведов, а также для всех интересующихся историей репрессий и религии.

Тексты публикуются в авторской редакции:

ISBN 978-5-4465-2577-5

- © Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, 2019
- © Авторы публикаций, 2019
- © ООО «Буки Веди», 2019

Оглавление

Миков П. Слово к читателю.....	5
Дегтярников В. Архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий (Кудюк).....	8
Дегтярников В. Блаженный Сергей.....	15
Дегтярников В., Софьин Д. «Пермь – второй Иерусалим».....	26
Дегтярников В., Софьин Д. «Флота Его Величества архиерей»	42
Кадыров И. Ахмедшин Фарухша.....	50
Колдушко А. «Наступает последний час и нам нужно объединиться!»: дело антисоветской баптистской группы в Щучье- Озерском районе Пермской области	62
Миков П. «Виновным себя в проведении антисоветской агитации я не признаю...» (история ареста и следствия кантора Хеля Фромана).....	73
Новиков П. Слуга божий о. Франциск Будрис (1882–1937) (По материалам программы Епископской конференции Российской Федерации «Католические новомученики России»).....	89
Новиков П. Вишневецкие (По материалам Вишневецкого Е.П. и Москалькова В.Л.)	111
Новиков П. Шаблоны: «По следам польской операции НКВД» (По материалам Е. Тихоновой и М. Мускевич)....	121

Селянинова Г. Габдулхаков Хасан.....	130
Селянинова Г. «Всё время ходит по деревням, проводит религиозную работу» (Мукминов Мансур).....	136
Уразова К. Выстрел в спину	145
Об авторах	158

Слово к читателю

В 2018 году группой пермских историков, журналистов, краеведов были написаны очерки о людях, на чью долю выпали суровые испытания на пермской земле. Их судьбы были объединены в сборнике очерков «Остаться человеком в любых обстоятельствах». На его презентации было предложено продолжить серию и подготовить сборник о священнослужителях Пермской (Молотовской (1940–1957 год)) области, пострадавших в годы советской власти. Сборник «С верой в душе и совестью в сердце» является продолжением темы политических репрессий и возвращения доброго имени людям, гонимым за Веру, сохранившим нерушимо святость Веры несмотря ни на какие перипетии судьбы.

В истории российского государства борьба с инакомыслием, к сожалению, присутствует на всем ее протяжении. Государственная власть, чувствуя возможную угрозу, зачастую мнимую, нещадно боролась с любыми проявлениями инакомыслия. В XVIII веке власть светская подчинила себе власть духовную, включив Церковь в государственный механизм управления, ликвидировав ее самостоятельность. Но такого

масштаба гонений и уничтожения граждан по признаку вероисповедания и религиозной принадлежности, как в годы советской власти, не было. Драматический опыт Октябрьской революции 1917 года, колоссальные потери Гражданской и Великой Отечественной войн, «красный террор» и «большой террор», прочие печально известные события оставили неизгладимый трагический след в истории российского государства. В этой связи преследование и физическое уничтожение верующих людей являются огромной потерей для страны. С установлением советской власти начались жесточайшие гонения на священнослужителей. Документ, поставивший церковь в бесправное положение, — Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Он лишил Церковь статуса юридического лица и национализировал ее владения. Большевики вели открытую пропаганду против духовенства, настраивали людей воспринимать священников практически как «врагов народа», обвиняя их во лжи. Унижение человеческого достоинства по отношению к духовенству стало чем-то обыденным. Воинствующие атеисты, «безбожники», уничтожали не только культовые сооружения, но и веками сложившуюся культуру, духовно-нравственную опору России.

15 августа 2015 г. распоряжением правительства Российской Федерации была утверждена Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. В этом отношении крайне важно объективно проанализировать и осудить идеологию «красного террора», в частности, массовые политические репрессии.

Авторами очерков настоящего сборника выступили пермские историки, журналисты, исследователи — Вячеслав Дегтярников, Ильдар Кадыров, Анна Колдушко, Павел Новиков, Гульсина Селянинова, Дмитрий Софьин, Кадрия Уразова. Научным редактором коллектива стал Михаил Нечаев. Выражаю благодарность всем, кто принимал участие в создании сборника, авторам статей, редактору сборника.

Признателен Пермскому государственному архиву социально-политической истории («Пермский партиархив») и лично его директору Сергею Неганову, а также Инне Федотовой за возможность работать с архивно-следственными делами, предоставленные фотографии и материалы, опубликованные в данной книге.

Очерки в сборнике раскрывают истории представителей различных конфессий. Главный тезис, который мы можем извлечь из каждого очерка, — «Пусть это больше не повторится».

Уполномоченный
по правам человека
в Пермском крае
Павел Миков

Архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий (Кудюк)

В девяностые годы в Перми впервые в постсоветской России публикуют культовую книгу Клайва Степлса Льюиса из цикла «Хроники Нарнии» — «Племянник Чародея». В ней писатель объясняет, как появилась Нарния, как в нее попала Белая Колдунья и почему дети смогли попасть в Нарнию через Платяной шкаф. Белая Колдунья фигурирует в этой книге под именем Джадис, что в переводе с персидского означает «ведьма».

Эту историю можно было бы считать проходной — в это время как раз спал железный занавес, и многое из того, что уже давно и с успехом публиковалось на Западе, стало доступно и русскоязычному читателю, если бы не одно обстоятельство. Готовит книгу к публикации православный архиерей — архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий (Кудюк).

Намного позже известный общественный деятель и богослов Андрей Кураев пишет: «В этих книгах, написанных англичанином и протестантом, более всех имеем нужду мы, русские и православные. Дело не только в том, что у нас практически исчезла христианская литература для детей. Важнее, что эти сказки заполняют пустую нишу в хра-

ме православной культуры». Тогда же, в девяностые, само сочетание слов «ведьма» и «епископ» для многих казалось шоковым.

Вот так начинается эта замечательная книга: «Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был еще маленьким. Ее очень важно прочесть, чтобы понять, как возникла связь между нашим миром и Нарнией...»

Рассказывает племянница владыки Анна Макарова: «У него было необыкновенно трепетное отношение к книгам — то ли это со времен детства, проведенного в сельской школе, то ли со времен заведования библиотекой. Он покупал, выписывал, собирал книги всю свою жизнь. В моем детстве, когда у дяди не было своего дома, и он скитался, гонимый властями, по приходам, вся его библиотека хранилась у нас, в доме старшего брата, — она занимала целую комнату. Множество старинных книг и, конечно, выходявшие во всех издательствах страны в те годы: зарубежные и русские классики и др. А нам — детям — привозил чемоданы книг, у нас все было — все сказки, всех народов, всех авторов, зарубежная приключенческая литература».

В Пермь новый епископ Пермский и Соликамский Афанасий приехал ровно тридцать пять лет назад. В период, когда в нашей стране только-только начинались процессы, связанные с переосмыслением новейшей истории. Еще было сложно представить, что уже очень скоро вновь откроются монастыри и храмы.

Будущий пермский владыка, в миру Александр Григорьевич Кудюк, родился 18 февраля 1927 года в Польше в русской семье, на территории бывшей Гродненской губернии Российской империи.

Рассказывает племянница владыки Анна Макарова: «Мои бабушка и дедушка не были крестьянами, для этого в буржуазной Польше надо было владеть землей. Они жили как бы в местечке таком — Красное Село, был дом, сад, огород, живность какая-то. У бабушки близкий родственник был директором школы, очень большая должность в царской России, учителя, как известно, даже больше земских врачей получали, и вот бабушка с молодых лет была его помощницей по школьному хозяйству, типа завхоза, экономки, в общем, при школе была. Вплоть до 45-го года и дядя был директором, и бабушка при нем, и дети все в этой школе учились. А дедушка чем только не занимался, но то, что в поле не работал, это я знаю точно. Например, когда вошли советские войска в 39-м, знаю, что пошел в писари в штаб одной из частей Красной Армии, а потом от поляков пострадал за это...»

В сороковые годы (этого факта в его официальной биографии нет) Александр Кудюк начал учиться в духовной семинарии в Варшаве. Но дальнейшие события, связанные с антинемецким восстанием в 1944 году, и последовавшие вслед за этим репрессии со стороны нацистов заставят юношу столицу Польши покинуть.

Закончилась война, семья будущего пермского архиерея поселилась в городе Слониме Гродненской области, недалеко от границы. Александр Кудюк становится послушником в Жировицком Успенском монастыре. Этот монастырь сыграл большую роль в его судьбе. Отсюда он уехал учиться в Москву. После войны семинария открылась в Новодевичьем монастыре.

В Москве, получив образование, вначале в духовной семинарии, а затем и в духовной академии, Александр Кудюк постригается в монашество с именем Афанасий и получает степень кандидата богословия, защитив диссертацию, посвященную египетскому монашеству IV века. Становится преподавателем Церковного Устава и заведующим библиотекой Академии.

В конце пятидесятых годов прошлого века, когда Никита Хрущёв лично обещает народу показать по телевизору «последнего попа», значительно усиливаются гонения на церковь, многие попадают в лагеря за свои религиозные убеждения (только в начале шестидесятых по этим мотивам было осуждено больше тысячи человек). В это время иеромонах Афанасий (Кудюк) служит секретарем архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Ермогена (Голубева). В Ташкенте под видом капитального ремонта им удается организовать строительство нового кафедрального Успенского собора. Советские власти этого, естественно, не про-

стили, и в скором времени архиепископ Ермоген (Голубев) был отправлен на покой. Местом его пребывания был определен Жировицкий Успенский монастырь, тот самый монастырь, где будущий пермский архиерей подвизался послушником.

Рассказывает племянница владыки Анна Макарова: «Долгие годы мой дядя был связан с архиепископом Ермогеном Голубевым, единственным епископом Русской церкви, который открыто выступил против реформы церкви, когда все права в приходе отдавались старостам. Он был с ним и в Ташкенте с молодых лет секретарем, и в Жировицах, куда Владыку отправили на покой. Думаю, последующие гонения на дядю более всего были связаны с его преданностью Ермогену Голубеву».

Справка: Архиепископ Ермоген (Голубев), в миру Алексей Степанович Голубев. Родился 3 марта 1896 года в Киеве. В 1915 году окончил 3-ю Киевскую гимназию с серебряной медалью и поступил в Московскую духовную академию. В 1919 году окончил академию со степенью кандидата богословия. 18 октября 1926 года назначен настоятелем Киево-Печерской лавры. В 1931 году арестован «за антисоветскую деятельность» и приговорен к 10 годам лагерей. Начал и завершил в Ташкенте строительство обширного Успенского храма. Ввиду того, что получить от властей разрешение на такое строительство было невозможно, получил разрешение на реставрацию старой церкви, находящейся в приспособленном здании, и начал стремительное строительство собора. Храм возводился вокруг старой церкви, и до конца строительства здесь шли еже-

дневные службы. Когда строительство запретили, было уже поздно: храм уже стоял. Торжественное освящение собора, который «своей красотой, изяществом и величием превзошел все ожидания», состоялось 4 сентября 1958 года. Архиепископ Ермоген выразил свое несогласие с решением Архиерейского Собора Русской православной церкви от 18 июля 1961 года о внесении изменений в «Положение об управлении Русской православной церкви». В результате 25 ноября 1965 года был уволен на покой в Жировицкий монастырь с правом служения в нем. Отпевание владыки Ермогена было совершено в Жировицком монастыре 9 апреля, а погребение в Киеве — 11 апреля 1978 года.

Весной 1984-го года епископ Пинский, викарий Минской епархии Афанасий получает назначение на Пермскую кафедру, которую будет занимать 18 лет. Это переломные годы для Русской Православной Церкви, период религиозного возрождения в стране. Именно владыке Афанасию довелось вновь открывать множество храмов и монастырей, в том числе знаменитую Белогорскую обитель.

По воспоминаниям близко знавших архиепископа Афанасия лиц, владыка отличался прозорливостью и всегда был открыт простым людям. Неторопливо беседуя с пожилой прихожанкой, он порой заставлял терпеливо ждать своей очереди даже губернатора. На своей старенькой печатной машинке владыка работал над научными трудами, печатал тексты проповедей.

Архиепископ Афанасий пользовался глубоким уважением не только своей православной паствы, но и представителей других конфессий. По его инициативе на рубеже XX—XXI веков в Прикамье, впервые

в России, был создан Межконфессиональный консультативный комитет, в который, помимо православного главы Пермской епархии, вошли духовные руководители пермских старообрядцев, мусульман, иудеев, католиков, лютеран, армян.

В марте 2002 года архиепископ Афанасий по его прошению в связи с состоянием здоровья был отправлен на покой.

За год до своей кончины он точно указывал время и место своего погребения. Многие люди, знавшие его хорошо, помнят слова владыки: «Хочу в Могилёв, но не тот Могилёв, который Могилёв, но тот Могилёв, который могила».

1 мая 2002 года самолет с новым пермским епископом Иринархом приземлился в аэропорту Большое Савино. В этот день и в этот час владыка Афанасий отошел ко Господу.

Блаженный Сергей

Блаженный Сергей Павлович Наумов родился 2 апреля 1910 года на станции Чусовская (ныне город Чусовой) в семье священника Ксениевской церкви Чусовского завода. В семье было семь детей, Сергей родился шестым ребенком.

Вспоминает родная сестра блаженного Сергея Вера Павловна: «В декабре 1910 года, когда Сергею было девять месяцев, в нашей семье было большое событие — переезд из Чусового в Серебрянский завод. Нас, детей, было шесть человек — Феде девять, мне восемь, Варе семь, Кате шесть, Ване два года. В июле месяце 1912 года мы переехали на жительство в Юговской завод». Отца, протоиерея Павла Федоровича Наумова, указом пресвященного Палладия (Добронравова) перевели в поселок Юг, в собор Рождества Христова.

У Сергея очень рано начали проявляться способности к музыке. Вновь обратимся к воспоминаниям Веры Павловны, сестры блаженного Сергея, которые она напишет ко дню пятилетия его смерти: «Интерес к музыке у Сергея проявился уже в два с половиной года. Помнится такой эпизод. Заболела мама. Был приглашен врач. Осмотрев маму и выписав рецепт, он пошел в зал и увидел фисгармонию, попросил разрешения поиграть. Мы окружили его и с большим инте-

ресом слушали его игру, а играл он хорошо. Серезчик внимательно наблюдал за его игрой, не спуская глаз, из которых капали слезы. С этого времени Серезчик стал часто подходить к фисгармонии и подбирал на слух мелодии детских песен, играл одним пальчиком и в терцию».

В восемь лет он пошел в Юговскую семилетнюю школу: «Как только научился писать и читать, завел себе записную книжку и, посматривая ноты, записывал даты жизни композиторов — и русских, и зарубежных. Стал самостоятельно изучать ноты. Изучая ноты, сразу стал разбирать и играть музыкальные произведения. За разъяснениями обращался ко мне или папе. Малейший незнакомый музыкальный знак он стремился изучить, понять его назначение. С десяти лет он начал петь в хоре, слух у него был прекрасный, пел он с альтами», — напишет его сестра Вера Павловна в 1974 году.

В 1925 году, после завершения обучения в школе, он поступил в Пермское музыкальное училище, которое блестяще окончил. Вспоминает брат Сергея Наумова Владимир Павлович: «Обладая хорошими музыкальными способностями, он хотел продолжить музыкальное образование. Но... ему по причине социального происхождения учиться дальше было отказано. Он очень переживал несправедливое запрещение ему получить большое музыкальное образование».

Сергей вернулся в поселок Юг, трудился там счетоводом. В 1929 году его поведение резко изменилось. Люди начали замечать в его поступках и речи что-то необычное. Окружающее решило, что он болен. «Он заболел меланхолией. Его поместили для лечения

в пермскую Александровскую больницу. Подлечили, но не до полного восстановления здоровья. Странности сохранялись до конца его жизни», — напишет в своих воспоминаниях брат Сергея Владимир Павлович.

Давайте попробуем разобраться, в чем же выражались эти так называемые «странности». И вновь обратимся к воспоминаниям брата Сергея Владимира Павловича: «Но был общительным, рассудительным в разговоре и очень раздражался, когда видел недостойные поступки».

А в жизни Сергею придется еще не раз столкнуться со страшными последствиями этих самых «недостойных поступков».

В ноябре 1936 года отца Сергея, протоиерея Павла Наумова, арестовали. Ему предъявили обвинение по 58-й статье («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений с использованием религиозных или национальных предрассудков масс»), через три месяца следствия осудили на три года исправительно-трудовых лагерей и этапировали в Ухтпечлаг. После этого семья больше не получала от него никаких весточек. Позднее, в 1959 году, после многочисленных обращений протоиерея Павла Наумова реабилитируют — посмертно. В справке, которую выдали семье священника, написано: «В сентябре 1937 года скончался от цинги».

В семейном архиве сохранилась фотография 1926 года. На ней семья еще в полном составе, на обороте блаженный Сергей Павлович позднее напишет: «Рай. Рай. Рай».

Однако вернемся в начало тридцатых годов прошлого столетия в поселок Юг. Только-только появилось кино. Фильмы еще «немые», озвучивать их односельчане приглашают выпускника Пермского музыкального училища Сергея Наумова. На фортепиано он играет виртуозно. «Приглашали его на праздничные утренники в школы, детсады, детдом. Местные жители его уважали, и когда он остался один, ему помогли».

Мама Сергея Павловича отошла ко Господу в 1940 году. В 1941 году Сергея Павловича отправили в дом для инвалидов под Кудымкар. Началась война, и реальных, а не вымышленных инвалидов стало много. Сергею Павловичу позволили учреждение покинуть. Он ушел из него в чем был, в летней одежде, а на дворе уже стояла осень. Добрался до сестер в Нижний Тагил, а затем вернулся в поселок Юг,

в котором остался жить. После возвращения с фронта его брат и сестра Вера купили ему в поселке небольшой дом, в котором он и прожил до конца своих дней. Как пишет его брат, «он каждый день навещал на кладбище могилу мамы, отдавая дань памяти любви от всех нас».

Любовью он щедро делился не только с родственниками, но и со всеми окружающими. Вспоминает Людмила Григорьевна Смаглюк, она хорошо знала Сергея Павловича.

Спасать ее надо

«Сергей Павлович, он рисовать кресты любил. Вот перед ним открытка или фотография певицы или артистки какой, он на ней крест поставит и говорит: “Спасать ее надо”. Предвестники недобрых событий ему были открыты. Рассказывают про один случай, когда по поселку шла веселая компания с прибывшим на побывку морячком. Сергей Павлович увидел его и так произнес: “Спасать его надо”. К словам не прислушались, и вскорости морячок утонул в Юговском пруду».

Хлебный мякиш и омуты

«В то лето в Юговском пруду очень много народа тонуло, в омуты людей затаскивало. Сергей Павлович как будто беду каждый раз чувствовал. Если что случится недоброе, он едет по селу и криком кричит. Он отлично плавал, и не боялся нырять в омут, и спасать людей. Дойдет до омута, воронку перекрестит, кинет туда кусочек хлеба и ныряет. До сих пор живы люди, которых он спас от неминуемой беды».

Не скроешь

«Часто Сергей Павлович заходил в дома односельчан и просил его накормить. Если хозяйка в доме жадная да сварливая, она, конечно, блаженному старалась в куске хлеба отказать. А он после этого встанет и перечислит, что у нее в каком горшке припрятано, какая еда в доме есть. Хозяйке, конечно, от такого обличения стыдно, хоть под землю проваливайся, но впредь урок: не отказывай ближнему, и в доме полная чаша будет. Так юговские и смирились».

Сергея Павловича, конечно же, интересовало не только физическое здоровье человека, но, наверное, в первую очередь, — здоровье духовное. Об этом явно свидетельствует Людмила Григорьевна Смаглюк.

Боже, милостив буди мене грешной...

«Вот еду в церковь, думаю, как молиться. А сзади, слышу, кто-то шепчет: «Боже, милостив буди мене грешной...». Оборачиваюсь, а позади идет Сергей Павлович. Вот так он слышал духовно, вслух ведь я ничего не произносила, просто думала, а он узрел».

Поверишь, поедешь...

«Вернулся как-то Сергей Павлович из Курьи, на электричке ездил, в ту пору выдавали такие проездные билеты из картона, на них еще кондукторы проколы делали. Вот он мне протягивает этот использованный талон и говорит: “Вот тебе билет в Москву. Поверишь, поедешь...”».

На следующий день прихожу на завод, а работала я на заводе Дзержинского, мне и говорят: “Людмила, надо в Москву в командировку съездить”. Причем простая такая задача — документы отвезти, по-

дождать ответа на них и через десять дней вернуться с ними в Пермь.

Я, конечно, обрадовалась. В Перми в то время только два храма действовало, Троицкий собор на Слудской горке и Всехсвятская церковь на Егошихинском кладбище, а в Москве храмов много, многие не закрывались, там особая благодать чувствуется. Вот, думаю, какая возможность постоять на службах.

Одна незадача — служба в храмах рано начинается, все они в центре Москвы находятся, а мне остановиться в столице не у кого. Вот с этой думой и пришла я в Елоховский собор. И решила: как благословил Сергей Павлович, так и поступать буду — помолюсь Богородице Казанской, обернусь, и на кого упадет мой первый взгляд, тот меня на постой и пустит.

Помолилась, оборачиваюсь. А за мной стоит не бабушка в косыночке, а такая столичная гранд-дама. Делать нечего — решила, менять решение нельзя. Служба закончилась, я к ней: так-то и так, в командировку из Перми приехала, походить в храмы хочется, пустите на постой. Она меня только одно спросила: “Кто у вас правящий архиерей?” А к нам только что владыка Леонид (Поляков) приехал. Я ей так и сказала. Говорит: ну поехали. Из храма вышли, молчим, в троллейбус сели, молчим».

Справка: Митрополит Леонид (в миру Лев Львович Поляков) родился 19 февраля 1913 года в Санкт-Петербурге, скончался 8 сентября 1990 года в Риге. Епископ Русской Православной Церкви, митрополит Рижский и Латвийский. С 20 мая 1964 года архиепископ Пермский и Соликамский. Сыграл большую роль в обеспечении приходов Пермской епархии

богослужебной литературой. 8 октября 1966 года переведен на Рижскую и Латвийскую кафедру.

«Домой к ней приехали. Поднялись на второй этаж. У нее две комнаты. В квартире, кроме нас, никого. Она постелила мне белье накрахмаленное. Я и уснула сразу.

Утром вместе поехали в церковь, и обратно вместе. Потом она мне только указывала, до какой станции ехать и куда идти. Так я целую неделю ездила на акафист Царице Небесной в самые разные храмы Москвы.

Тогда в храмах после службы не разрешали оставаться — отслужили, тебе сразу говорят: “Ой, девочка, уходи, уходи. А не то попадет за тебя”. Так что времени свободного много. Я успевала еще и в очередях постоять, купить дефицит, апельсины или рыбки какой.

В общем, у меня и квартира в центре Москвы, и маме и бабушке гостинцев навезла. А потом еще и в Пермь на Новый год подарок пришел от моей новой московской знакомой — по почте церковный календарь. У нас их в продаже не было.

Так мы еще долго продолжали общаться, и я про мою знакомую практически ничего, кроме имени, не знала. Открылась она мне только, когда через несколько лет мы вместе поехали в Ригу к отцу Тавриону (Батозскому) в Спасо-Преображенскую пустынь. Там она мне и сказала, что работает главным бухгалтером Московского Патриархата».

Справка: Архимандрит Таврион (в миру Тихон Данилович Батозский) родился 10 августа 1898 года, скончался 13 августа 1978 года в Риге. Архимандрит

Русской Православной Церкви. С 1927 года служил в Перми, где в 1929 году был настоятелем Феодосиевского храма, активно боролся против обновленческого движения. В том же году епископ Павлин (Крошечкин) возвел его в сан архимандрита. Осенью 1929 года был арестован. 3 января 1930 года приговорен к трем годам лишения свободы, работал на строительстве Березниковского химического комбината. С 25 мая 1956 года клирик кафедрального собора Перми. С марта 1969 года духовник Спасо-Преображенской пустыни Свято-Троицкого женского монастыря Рижской епархии, назначен по инициативе владыки Леонида (Полякова).

«Тогда же рассказала мне Антонина Дмитриевна, сколько страху она натерпелась, когда пустила меня переночевать в свой дом первый раз. Говорит, девка высокая, сильная, она как ночью встанет, свистнет и двери вора́м откроет. Но поскольку Антонина Дмитриевна была хорошо знакома с будущим митрополитом Леонидом (Поляковым), а я его имя при первом общении назвала, решила довериться. Вот так блаженный Сергей Павлович устроил мне и ту поездку в Москву, и свел с чудесными, добрыми людьми на всю жизнь».

Крест и пятьдесят рублей

«Было так: значит, отпуск был у меня, я в Печоры хочу ехать. А мама меня не отпускает — говорит, денег дома нет. Тебе пальто на зиму надо покупать. Сиди дома. Обидно, мне в Печоры хочется, но и маму послушаться не могу. В Слудской церкви встретила Сергея Павловича, про беду ему рассказала. А он мне протягивает бумажку, на ней крест изображен и надпись: “50 рублей”. Ну раз крест, я его сразу поцелова-

ла. На следующий день на работу выходить. Пришла, говорят: “Тебе, Людмила, в Ленинград ехать в командировку, документы отвезти и обратно. Зайди, говорят, в кассу, получи 50 рублей командировочных”. Так я в Ленинград и уехала, а от Ленинграда до Печор я уже дорогу хорошо знала, да и близко там».

Справка: Успенский Псково-Печорский монастырь — один из самых крупных и известных в России мужских монастырей с многовековой историей. Название монастыря связано с находящимися в нем пещерами. Монастырь ни разу за всю свою историю не закрывался. В межвоенный период (с февраля 1920 года до августа 1940 года) находился в пределах независимой Эстонии, благодаря чему не был закрыт.

Трое живут, а четвертый в мантии

«В Югу жила одна женщина по имени Татьяна, ее и еще двух ее подруг спас после расстрела монахов на Белой горе игумен Иоанн (Ветер). Они в тот день пришли на гору помолиться. Их там и увидел отец Иоанн, было это очень короткое время до очередного налета на монастырь. Монах сказал девочкам спрятаться в бочки, которые приготовили для засолки капусты. Пока девочки в бочке сидели, произошло нападение, много монахов в этот день расстреляли прямо у стен Крестовоздвиженского собора обители. Когда военные ушли, игумен Иоанн сказал девочкам вылезать из бочек и идти быстро домой, внимание ни на что не обращать, а если спросит кто, зачем пришли, говорить: по грибы-ягоды. Так они и спаслись. Последнего настоятеля Белогорского монастыря игумена

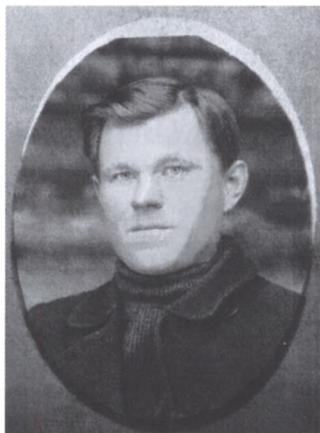
Иоанна после закрытия обители арестовали, а девчонки, которых он спас, навещали батюшку в тюрьме, а после его освобождения поселили у себя дома. Только никому на селе про это не рассказывали, хранили тайну. Сами пекли просфоры для храма. Так и жили. Вот однажды к ним в дом пришел Сергей Павлович и сказал такие слова: «Трое живут, а четвертый в мантии». По его слову и Татьяна, и две ее подруги приняли тайный постриг. А отец Иоанн (Ветер) так и прожил у них до самой смерти. Похоронили последнего настоятеля Белогорского монастыря возле алтаря церкви Ильи Пророка в поселке Юг».

Блаженный Сергей Павлович Наумов пел на клиросе в храме Ильи Пророка в поселке Юг. В храме стояла кружка, на ней была надпись: «Для Сергея Павловича». Благоверные жители поселка таким образом подкармливали блаженного, а в народе его называли «юговским пророком». Отошел ко Господу Сергей Павлович Наумов в декабре 1969 года, похоронили его рядом с могилой матери. При жизни Сергея Павловича жители поселка Юг к его чудачествам относили ношение им бус. После его смерти бусы сняли и взвесили. Оказалось, что они очень тяжелые — более тридцати килограммов. Людям стало понятно: это не бусы, это вериги.

Это только маленькая толика воспоминаний, которую на сегодняшний день удалось собрать и записать. Возможно, у жителей поселка Юг сохранились и другие рассказы о жизни блаженного Сергея Павловича Наумова, а возможно, где-то в семейных архивах хранятся и его фотографии. Восстанавливая память о блаженном, мы сможем вернуть поселку и часть его истории — истории, которую невозможно забыть.

*Дегтярников Вячеслав,
Софьин Дмитрий*

«Пермь — второй Иерусалим»

«На территории Соликамского района, где располагался большей частью Усольлаг, находилось в 1930-е — начале 1950-х годов много священников, и ряд из них в настоящее время причислены к лику святых. Одним из самых известных был преподобный Кукша Одесский», — отмечал известный историк, автор «Соликамской энциклопедии» Геннадий Бординских.

Преподобный Кукша Одесский (в миру Косьма Кириллович Величко) родился в 1875 году на юге Российской империи, в Херсонском уезде. В возрасте 21 года он поселился в русском Свято-Пантелеймоновском монастыре на Афоне, где был пострижен в иночество под именем Константин, а впоследствии в монашество — под именем Ксенофонт. Полтора года он провел на Святой Земле, в Иерусалиме. Накануне Первой мировой войны будущий преподобный покидает Афон и становится монахом Киево-Печерской лавры. Во время войны, вместе с другими монахами, он служит братом милосердия на санитарном поезде Киев — Львов. А в 1931 году в лавре его постригают в схиму под именем Кукша.

В 1937–1938 годах по всему Советскому Союзу прокатывается волна массовых репрессий, затраги-

вающих все слои населения. Тяжелые гонения обрушиваются и на Русскую Православную Церковь. Священнослужителей расстреливают, отправляют в лагеря. 28 апреля 1938 года в Киеве арестован 63-летний схимонах Киево-Печерской лавры Кукша. «Так как он был священником, схимонахом, то статья 58, часть 10 “Контрреволюционная пропаганда или агитация” ему “светила” железно», — замечает полковник Сергей Ерофеев, директор Музея истории Усольяга (г. Соликамск).

«Когда меня привели в тюремную камеру, — вспоминал сам отец Кукша, — в ней было много “урок”, все сидели на нарах, свободного места не было. В углу сидел знакомый священник, арестованный раньше меня. Я встал у двери со своим узелком, осматривался, ища себе места, а тот священник незаметно дал мне знак, чтобы я не двигался с места. Если бы прошел к нарам, “урки” меня бы избили — такой у них был тюремный “закон”. Я стоял у двери и молился про себя Богу. Вдруг “урки” потеснились и освободили для меня место, а один говорит: “Отец, проходи, садись здесь”».

В мае 1938 года Усольягу передают здания закрытого к тому времени соликамского Свято-Троицкого

мужского монастыря. Здесь помещается пересыльная тюрьма НКВД. В ноябре 1938 года вместе с другими заключенными сюда привозят и преподобного Кукшу — по документам НКВД он проходит как Ксенофонт Величко.

Монастырский храм переделывают под тюремные нужды, выстраивают камеры. Даже сейчас хорошо видны сохранившиеся фрески, хотя прошло уже довольно много лет. А тогда они были слегка побелены, поэтому заключенные их периодически отмывали. Называлось это «сидеть под ангелами».

Усольский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР был создан 5 января 1938 года как лесозаготовительное предприятие. «Это была ситуация, связанная с репрессиями 1937—1938 годов, когда огромный поток заключенных поступает в лагерь, — говорит кандидат исторических наук Леонид Обухов. — Надо было их как-то занимать, использовать, и самое простое здесь — создание новых лесных лагерей».

Усольлаг был крупным исправительно-трудовым учреждением. Личный состав сотрудников охраны, рабочих и служащих составлял, как отмечает полковник Сергей Ерофеев, около 3,5 тысяч человек, а количество «спецконтингента» (заключенных) доходило до 30 тысяч человек.

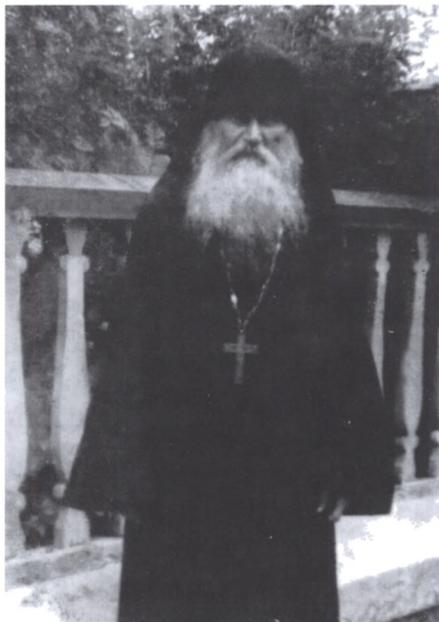
Попав в тюрьму, а затем и в лагерь, отец Кукша вплотную сталкивается с уголовной средой. «В отличие от промышленных, в лесных лагерях, как правило, преобладали и “держали верх” уголовники, — отмечает историк Леонид Обухов. — Они порой подминали под себя тех, кто был осужден по политическим статьям, потому что тут особой специализации не нужно — лес валить вроде все могут».

Впрочем, судя по имеющимся данным, уголовники схимонаха не трогали: «Кукша был довольно стареньким человеком и совсем безобидным, — говорит директор Музея истории Усольяга Сергей Ерофеев. — Мне кажется, он находил взаимопонимание со всеми».

Первоначально свой срок преподобный отбывает в усольяговском пункте в Верхней Вильве. Если с охраной и заключенными Кукша мог наладить отношения и существовать более-менее бесконфликтно, то сами условия лагерной жизни на севере Урала поставили пожилого схимонаха, уроженца южных губерний, на грань выживания. «Лесные лагеря в северных краях — это действительно очень тяжелые условия, — поясняет историк Леонид Обухов. — Все расписано: подъем, туалет, завтрак, развод на работу. Конец рабочего дня — снова в лагерь, всех, кто пришел с работы, пересчитывают. Скудное питание, бараки, нары, зимой холод (печки полностью бараки не прогревали), толком высушить не могли свою одежду. Как следует не отдохнули — и снова с утра подъем, снова на работу...».

Отец Кукша ввиду солидного возраста, как замечает полковник Сергей Ерофеев, непосредственно на лесозаготовках, скорее всего, не был. Тем не менее Кукшу, по крайней мере однажды, отправляют пилить дрова вместе с другими священнослужителями. Это произошло в Верхней Вильве утром на первый день Рождества в 1939 или 1940 году. Стояли морозы около 50 градусов. Вскоре Кукша отморозил нос. Врач, осмотрев преподобного, сказал: «Ну, Величко, пропал твой нос!» — и помазал какой-то мазью, от которой нос, к счастью, через непродолжительное время зажил.

Впоследствии, 22 марта 1940 года, пожилой схимонах был переведен в другой пункт Усольлага — поселок Селянка. Поселок являлся сельскохозяйственной колонией, в которой выращивали овощи и изготавливали товары народного потребления. Некоторые охранники втайне от лагерного начальства помогают преподобному. Однажды летом один из них подошел к старцу и незаметно для других передал ему хлеб и рыбу. А Кукша ему говорит: «Чадо, возьми отпуск, поезжай домой, тебя отпустят. У тебя дома заболела дочь». Тот не поверил, что его могут отпустить летом, в разгар сельскохозяйственных работ. Не прошло и часа, как вбегает охранник и говорит, что пришла срочная телеграмма о болезни дочери и начальство его отпускает. Батюшка благословил охранника, и тот поспешил домой.

В Селянке Кукша тяжело заболел, и 7 июня 1941 года его отправляют в Нижнее Мошево, где находится лагерная больница. А через две недели, 22 июня, начинается Великая Отечественная война. Условия жизни в лагере становятся еще тяжелее. «Особенно высокая смертность была зимой 1941—1942 годов — 25% от общего числа заключенных умер-

ли, — отмечает историк Леонид Обухов. — В мирное время смертность составляла где-то от 2 до 5%. С началом войны понизили нормы питания. А они и так были недостаточными, что отмечал, кстати, даже Берия (нарком внутренних дел СССР)».

Подобно Святому Серафиму Саровскому, кормившему медведей со своей руки, у отца Кукши, судя по его воспоминаниям, тоже была любопытная история, связанная с тварями Божьими. Этот случай с преподобным произошел в Нижнем Мошево 6 апреля 1942 года.

«Это было на Пасху, — вспоминал сам Кукша, — я был такой слабый и голодный — ветром качало. А солнышко светит, птички поют, снег уже начал таять. Я иду по зоне вдоль колючей проволоки, есть нестерпимо хочется, а за проволокой повара из кухни в столовую охранников носят на головах противни с пирогами. Так вкусно пахнет... Над ними вороны летают. Я взмолился: “Ворон, ворон, ты питал пророка Илию в пустыне, принеси и мне кусочек пирога!”. И вдруг слышу над головой “кар-р-р!” — и к ногам упал пирог с мясом — это ворон стащил его с противня у повара. Я поднял пирог, со слезами возблагодарил Бога и утолил голод».

Последним местом заключения преподобного Кукши стала тюремная больница в Нижнем Мошево, куда его привозят совершенно больным. Здесь он встречает своего земляка, врача из Киева. Молодой врач буквально вернул преподобного с того света. Состояние здоровья отца Кукши было настолько тяжелым, что его поместили в палату для безнадежно больных, где одновременно находилось 70-80 человек. Доктор, тоже заключенный, в течение двух месяцев выхаживал

вал схимонаха и, в конце концов, поставил его на ноги. Отсюда же, из Нижнего Мошево, преподобного выпускают — 1 мая 1943 года, на праздник Святого Георгия.

Согласно закону военного времени, после отбытия наказания Кукшу оставляют на территории Прикамья и водворяют на жительство в Кунгурский район. И лишь в 1948 году, после 10-летнего пребывания на Урале, Кукша возвращается в родные места, на Украину. Пермский период оказался важным этапом в духовном развитии преподобного. Обладая даром прозорливости, он приобретает множество духовных чад. В 1950-е — 1960-е годы множество людей со всех концов страны приезжают к святому старцу за духовным утешением, наставлениями и благословением. В 1964 году в Одессе на 90-м году жизни Косьма Кириллович Величко, в иночестве Константин, в монашестве Ксенофонт, в схиме Кукша, отошел ко Господу.

В 1994 году он был канонизирован Украинской Православной Церковью Московского Патриархата как Преподобный Кукша Одесский. «У нас хранится иконка, исполненная руками осужденных, — говорит директор Музея истории Усольлага полковник Сергей Ерофеев, — и с некоторых пор мы считаем Кукшу Одесского нашим усольгаговским святым».

Свое пребывание в Прикамье отец Кукша оценивал как одно из испытаний, посланных ему свыше, чтобы

еще более укрепить его веру, полагал историк Геннадий Бординских. «Для него эта земля родная, потому что здесь он провел, может, самые трудные годы своей жизни, — отмечает протоиерей Игорь Ануфриев, настоятель пермского храма Святого Георгия Победоносца, в котором хранится частица мощей преподобного Кукши. — А самые трудные годы вспоминаются наиболее сильно, и для человека духовного это годы наибольшей молитвы, когда он действительно чувствует себя близким к Богу, потому что страдания приближают верующего человека к Богу».

В 1943 году преподобный Кукша Одесский, бывший монах Афонского Свято-Пантелеймоновского монастыря и Киево-Печерской лавры, отбыв пятилетний срок заключения в Усольяге, отправляется на поселение. Место жительства Кукше органы НКВД определяют под Кунгуром, в деревне Новая. Начинается новый этап в жизни преподобного.

При освобождении из лагеря отец Кукша получил адрес дома, где он мог бы остановиться. Но там по каким-то причинам побоялись принять ссыльного. В итоге, как рассказывает Валентина Попова, лично знавшая преподобного, он поселился в семье Петра Подшивалова. Хотя у него самого была большая семья, хозяин радушно принял Кукшу, предоставил ему кровать и столик. На возражения Кукши, что ему-де дали другой адрес, Подшивалов твердо заявил: «Раз они побоялись Вас принять, будете жить у нас».

Как отмечает протоиерей Олег Ширинкин, благочинный Кунгурского округа, Кукша быстро приобрел уважение среди верующих города Кунгура, «поскольку был человеком не просто облеченным в священный сан, но и обладал высокой духовной жизнью».

Схимонахиня Антония рассказывала, что им, тогда еще молодым кунгурским девушкам, отец Кукша говорил о будущей жизни: «Вот я не доживу, а вы доживете, что на одном конце Земли скажут, а на другом конце слышно будет». Матушка Антония тогда подумала: «Какое же это должно быть хайло, чтобы на одном конце Земли сказали, а на другом конце услышали», а протоиерей Олег Ширинкин замечает: «Вот мы с вами дожили до того времени».

По имеющимся сведениям, отец Кукша, проживая в прикамской ссылке, совершал богослужения в ряде храмов Пермской (тогда Молотовской) епархии — в селах Шубино, Кольцово и даже в самой Перми (Молотове).

В XVIII веке крестьянин из села Кольцово разыскивал в окрестностях леса свою лошадь. Ему на-

встречу попался старец, который указал, где искать ту самую пропавшую скотину, и заодно повелел написать икону Святителя Николая Чудотворца. Местный житель нашел лошадь и догадался, что встретился ему не кто иной, как сам Святитель. Икону изготовили в Верхнечусовских городках. Впоследствии, уже в XIX веке, в окрестностях Кольцово построили пещерный храм, где поместили икону. Именно в этом храме на местнотимый праздник 23 июля в 40-е годы XX века служил преподобный Кукша вместе с известным пермским священником Григорием Ахидовым. Та самая икона Святителя Николая Чудотворца в настоящее время находится в главном храме села Кольцово. А пещерную деревянную церковь, в которой служил Кукша, впоследствии разобрали.

В Кольцово отец Кукша служил по благословению архиепископа Молотовского и Соликамского Иоанна (Лавриненко), и о взаимоотношениях преподобного с владыкой Иоанном известно достаточно хорошо. Но факт знакомства преподобного Кукши и предшественника Иоанна, архиепископа Александра (Толстопятова), до недавнего времени был совершенно неизвестен.

Изучив документы, доктор исторических наук протоиерей Алексей Марченко утверждает, что Кукша находился в тесном общении с архиепископом Александром: «То, что он участвовал с Александром в богослужениях, это известно доподлинно. Владыка приглашал его, и отец Кукша приезжал в Пермь (Молотов)». Вместе с пермским архиереем преподобный совершал службы в Свято-Троицком кафедральном соборе.

Владыка Александр (Толстопятов) возглавил Пермскую епархию в 1943 году. Поскольку с нача-

лом Великой Отечественной войны отношение советского государства к Русской Православной Церкви изменилось в благоприятную сторону, владыке пришлось восстанавливать почти уничтоженную к тому времени церковную жизнь в Прикамье. За два года своего архипастырства ему удалось возродить Пермскую епархию.

Отец Кукша не афишировал своего знакомства с владыкой Александром, поскольку официально, по-видимому, не имел права в течение первых трех лет покидать место ссылки в Кунгурском районе. «То, что он по духу был близок архиепископу Александру, это однозначно, — говорит протоиерей Алексей Марченко. — Потому что и тот, и другой отсидели немало в сталинских лагерях. Причем они ничем себя не скомпрометировали ни с духовно-нравственной, ни с какой-либо другой точки зрения».

Отец Кукша помогал владыке Александру в преодолении обновленческого раскола, который развивался в Русской Православной Церкви до Великой Отечественной войны. В 40-е годы в Кунгуре проживал обновленческий епископ Серафим (Коровин). Кукша подолгу с ним беседовал, и под влиянием старца Серафим стал склоняться к воссоединению с Московским Патриархатом. Существует две версии того, как в дальнейшем развивались события. «Для начала нужно было свести Серафима и архиепископа Александра, и вроде бы преподобный Кукша сумел уговорить Серафима (Коровина) поехать в Молотов, чтобы рассказать владыке всю ситуацию и изложить свои соображения, — рассказывает протоиерей Алексей Марченко. — Но вмешался в дело случай. Когда Серафим прибыл на станцию Кунгур и собирался сесть в поезд,

у него украли билет, и он усмотрел в этом промысел Божий, что воссоединяться с Русской Православной Церковью нельзя».

Согласно другой версии, к пермскому владыке поехал не Серафим, а сам Кукша, чтобы передать письмо от обновленца и обсудить возможность его возврата в лоно канонической Церкви: «И отец Кукша пошел, электричек не было, какой-то поезд там ходил», — говорит игумен Антоний (Щукин), настоятель Успенского храма города Кунгура. Идти на вокзал надо было через сосновый бор: «А там всегда были разбойнички, — добавляет игумен Антоний, — и на него напали, сумку отобрали и отобрали это письмо. Отец Кукша пришел и говорит: владыка, так вот и так. А тот отвечает: “Видимо, воли Божьей пока что вот нет”».

В 1948 году схимонах Кукша, после десятилетнего пребывания на территории Прикамья, возвращается в Киево-Печерскую лавру. Оттуда через пять лет старца переводят в Почаевскую лавру, а затем под давлением властей — в Залещики. «Ему долго не давали служить на одном месте, потому что к нему люди собирались со всей России, и поэтому его постоянно гоняли по разным монастырям», — поясняет протоиерей Олег Ширинкин. «Он ко всем с любовью относился, всех привечал, добрый батька был», — вспоминает соликамская жительница Лидия Садкова, посещавшая преподобного.

В Киев, Почаев и Залещики за благословением и советом к отцу Кукше люди приезжали отовсюду, но особенно много было пермяков. По воспоминаниям знавших его людей, преподобный мог иносказательно открывать судьбу тех, кто обращался к нему за

духовным советом. Правда, не все могли услышать его слова: «К нему народу очень много стекалось, — отмечает игумен Антоний. — Некоторым он говорил нормально, а некоторым — на украинском языке. Кому надо было слушать нормально, тому Кукша говорил по-русски. А кому не надо было, тому он отвечал по-украински, и те не понимали отца Кукшу, уходили».

Жительница Перми Валентина Попова вспоминает, как их, 10 человек, в первый раз повез к Кукше священник Иоанн Покровский. Преподобный всех пермских очень хорошо принимал, угощал чаем. «Я тоже ездила исповедоваться и узнать, что он скажет — он прозорливый дядька был, — рассказывает Лидия Садкова. — А я тогда не замужем была, и думала, что мне делать — то ли замуж идти, то ли в монастырь. А он мне говорит: “Ремня тебе надо, а не монастырь. Замуж пойдешь, матушкой будешь”. Раз он так сказал, я уже без сомнения». Так решилась судьба Лидии Александров-

ны, ставшей через несколько лет после посещения преподобного женой известного в Пермской епархии священника, благочинного Северного округа Виталия Садкова.

Когда отец Кукша находился в Почаеве, к нему за советом отправился кунгурский житель, участник Великой Отечественной войны Николай Андреевич Букирев. Как постоянная память о войне у него остался осколок, попавший воину-минометчику в локоть. Прошло некоторое время, и осколок стал давать о себе знать, началось нагноение, и врачи предложили ампутировать руку. Прежде чем решиться на эту операцию, Николай Букирев отправился к преподобному за советом: «Думал, съезжу к Кукше — что он скажет, то и сделаю, — вспоминает ветеран. — Приехал к нему, а тот и говорит: “Ладно, родной мой, давай, потрудись немножко. Вот у нас тут груша, надо бы ее поколоть”. А знаете, что значит грушу — дерево расколоть даже здоровому человеку? Я и думаю про себя: “Вот если был бы святой, так он бы меня не заставил, знал бы, что у меня такая болезнь, что я накануне ампутации руки, а он меня заставляет грушу колоть”. Но что делать? Послушание есть послушание. Пошел выполнять послушание старца. Взял топор в руки. Как стукнул — у меня осколок и вылетел наружу. Потом домой-то приехал, операцию сделали». Вот так чудесным образом схиигумен Кукша спас руку ветерану.

Николай Андреевич связал свою жизнь с Церковью, работал во Всехсвятском храме в Кунгуре, где впоследствии постригся в монахи под именем Никон. «Он всю жизнь прожил, как монах, — отмечает протоиерей Олег Ширинкин. — Может быть, многие монахи в монастырях так не живут, как он прожил в миру».

Монахиня Ангелина, знавшая преподобного Кукшу, в свое время передала монаху Никону (Букиреву) афонские четки, подаренные ей самим преподобным. Старец охотно показывает гостям четки и добавляет с улыбкой, что раньше они были в два раза длиннее: «Из Перми приходила ко мне одна и половину отрезала». Сейчас монаху 103 года, и он по-прежнему служит пономарем в храме. В прошлом году он принял схиму — под именем Кукша.

В годы хрущевских гонений на церковь Патриарх Московский и всея Руси Алексей I возьмет преподобного под свое покровительство, и последние годы жизни отец Кукша проведет в Одесском Свято-Успенском монастыре, где находилась летняя резиденция Святейшего Патриарха. В 1994 году схимонах был причислен Русской Православной Церковью к лику святых как преподобный Кукша Одесский. В Кунгуре хранится вырезанный из кипариса в серебряном окладе афонский крест, который преподобный пронес через лагерь и ссылку.

P. S.

В 1894 году 19-летний юноша Косьма, подданный Российской империи, послушник русского Свято-Пантелеймоновского монастыря на Афоне, прибывает на Святую Землю, в Иерусалим, территория которого в то время входит в состав Османской Империи. Существует традиция: приложившись к святому месту, собирать елей — масло. Паломники стали просить сторожа-турка разрешить им взять святого масла из лампад, предлагали деньги, но турок категорически отказал. Вдруг одна лампада опрокинулась на Косьму, облив его целиком. Люди окружили послушни-

ка, стали руками собирать с него святое масло, чтобы помазаться им. Так будущему преподобному Кукше было дано знамение свыше, что через него множество народа будет получать Божию благодать.

В Иерусалиме есть Силоамская купель, и существует обычай погружаться в этот источник женщинам, желающим забеременеть. Когда юноша, осматривая купель, оказался у ее края, кто-то нечаянно толкнул его, и отрок неожиданно упал в воду. Окружающие люди, видя это, стали смеяться, говоря, что у него теперь будет много детей. Но слова эти оказались пророческими, ибо у преподобного Кукши впоследствии действительно будет много духовных чад.

«К пермским он очень доброжелательно относился, — вспоминает Валентина Попова, посещавшая преподобного. — Это, говорит, у меня второй Иерусалим. Я говорю: “Батюшка, у нас нет Иерусалима”. А он: “Это второй Иерусалим, ты пойми”».

*Дегтярников Вячеслав,
Софьин Дмитрий*

«Флота Его Величества архиерей»

*Наверх, вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

В трудные годы Великой Отечественной войны Пермскую (в то время Молотовскую) епархию Русской Православной Церкви возглавил архиепископ Александр (Толстопятов), один из наиболее выдающихся церковных иерархов XX века.

Будущий владыка Александр (в миру Анатолий Михайлович Толстопятов) родился 22 октября 1878 года в Москве в семье потомственного дворянина, крупного ученого-минералога, профессора М.А. Толстопятова. С ранних лет мальчик проявляет глубокий интерес к религии, охотно посещает приходскую церковь Рождества Богородицы в Путинках и Высокопетровский монастырь, где поет на клиросе.

После кончины отца семья переезжает в Санкт-Петербург, где Анатолий, увлекшись морской романтикой, решает посвятить себя службе на флоте. В 1901 году он успешно оканчивает Морской кадетский корпус, производится в мичманы и получает назначение на Дальний Восток. По пути к первому месту

службы молодой офицер совершает паломничество на Афон и в Палестину.

Как отмечает биограф архиепископа Александра, доктор исторических наук протоиерей Алексей Марченко, сам владыка связывал эту поездку с теми успехами по службе, которые он имел впоследствии. Владыка говорил: «Я не имею никакой протекции, и в этом я усматриваю особый промысел Божий, который почил на мне, и ту благодать, которую я получил у великих христианских святых Востока».

В ночь с 26 на 27 января 1904 года Япония вероломно, без объявления войны, нападает на корабли русской Тихоокеанской эскадры. Начинается русско-японская война. В один из ночных боев под Порт-Артуром броненосец «Пересвет», на котором служит мичман Толстопятов, принимает неравный бой и в результате попадания 56 крупных японских снарядов тонет. Анатолий Михайлович спасается чудом и продолжает службу на миноносце № 206. Вскоре за отличную распорядительность и храбрость, проявленные в крейсерской войне с Японией и при захвате военного транспорта «Киншу-Мару», молодого офицера производят в чин лейтенанта и награждают орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Весной 1905 года лейтенант Толстопятов попадает в японский плен. Однако он не падает духом и вместе с боевыми товарищами предпринимает отчаянную попытку побега. Но она не увенчалась успехом, и молодой офицер получает свободу только 3 октября, после заключения мира с Японией.

После войны Анатолий Михайлович продолжает службу, переводится на Балтийский флот и, решив продолжить образование, поступает в Михайловскую

артиллерийскую академию. Он всерьез увлекается наукой — механикой, физикой, морским делом. Успешно совмещая научные занятия с военно-морской службой и преподаванием, Анатолий Толстопятов дослужился до чина капитана 2-го ранга и был награжден рядом орденов.

В феврале и октябре 1917 года в стране происходят государственные перевороты. В России — хаос и анархия. Власть захватывают большевики. Разрушается весь традиционный уклад жизни. Начинаются гонения на Русскую Православную Церковь. В эти невероятно тяжелые годы морской офицер Толстопятов принимает для себя судьбоносное решение. Он становится священником, чтобы защищать родную церковь и в полной мере разделить с ней ее судьбу.

— Путь священнослужителя он начинает в невероятно тяжелую пору, когда церковь уже ощутила на себе давление со стороны новой, советской власти, — говорит церковный историк, протоиерей Алексей Марченко. — Это был 1922 год, когда уже пролилась кровь первых мучеников.

Анатолий Михайлович принимает священнический сан в Петрограде и становится настоятелем Рождества-Богородицкой церкви при Петроградской консерватории. Прослужить ему на этой должности довелось недолго, потому что вскоре он был арестован по печально известному делу «петроградских церковников». Как поясняет протоиерей Алексей Марченко, это дело было инспирировано в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей: «Из документов мы можем судить, что отец Анатолий (он тогда еще не был пострижен в монашество) оказал активное сопротивление конфискаторам и вместе с церковным старостой,

знаменитым композитором Ляпуновым, был арестован и привлечен к уголовной ответственности».

После освобождения, в 1924 году, священник Анатолий Толстопятов постригается в монахи под именем Александр и вступает в монастырскую братию знаменитой Александро-Невской лавры.

— В то время лавра была духовным центром Петрограда, и, как свидетельствуют документы, иеромонах Александр (Толстопятов) также проявил себя здесь как мужественный воитель за церковь, как противник закрытия лавры, — замечает протоиерей Алексей Марченко. — Результатом этой борьбы стал его новый арест и новое заключение — в Соловецкий лагерь.

После года пребывания на Соловках отца Александра отправляют в ссылку в Нижний Новгород. Там происходит, наверное, главная встреча в его жизни — с митрополитом Сергием (Страгородским), который возводит иеромонаха Александра в сан архимандрита.

— Его личные качества привлекли внимание первоиерарха Русской Православной Церкви митрополита (впоследствии Патриарха Московского и всея Руси) Сергия, и между ними на протяжении долгих лет существовали очень теплые сыновно-отеческие отношения, которые владыка Александр пронес через всю свою жизнь, — говорит протоиерей Алексей Марченко.

Даже в ссылке советские власти не оставляют архимандрита Александра в покое. В 1927 году из Нижнего Новгорода его высылают в Пермь.

В нашем городе отец Александр служил на Заимке. Когда-то здесь находилась маленькая деревянная церковь, освященная в честь Николая Мир Ликий-

ских Чудотворца. Она была построена в XIX веке по инициативе епископа Петра (Лосева) для рабочих этого, в то время отдаленного пермского района. Судьба самой церкви печальна: после отъезда архимандрита Александра, в 1930-е годы, она сгорела и более не была восстановлена.

Как свидетельствуют письма архимандрита, будущий пермский владыка уже тогда полюбил наш город. Помимо церковных дел, здесь он продолжает активно заниматься научной работой.

— Нам очень отраднo осознавать, что на пермской земле он внес свой вклад в укрепление и оздоровление церковной жизни, потому что никогда отец Александр не отступал от своих принципов, от верности патриаршей церкви, был ярым противником обновленческого движения, созданного с целью расколоть Русскую Церковь, — говорит протоиерей Алексей Марченко.

В конце 1920-х годов Русской Православной Церкви приходится бороться с активной и агрессивной деятельностью обновленцев-раскольников. В полной мере это коснулось и Пермской епархии. Ситуация во многом изменилась, когда на архипастырское служение в Пермь прибыл епископ Павлин. Умный и мужественный пастырь повел активную борьбу с обновленческим расколом и добился у местных властей передачи канонической Русской Православной Церкви храма Вознесения Господня, более известного среди пермяков как Феодосиевская церковь. На короткий период она даже становится кафедральным собором города Перми. Один из соратников епископа Павлина по борьбе против обновленчества за укрепление Пермской епархии — архимандрит Александр.

На рубеже 20-х — 30-х годов на Русскую Православную Церковь обрушиваются новые репрессии. Активная деятельность архимандрита Александра не остается незамеченной. В 1931 году следует очередной арест. На сей раз священнослужителя отправляют в лагерь на Беломорско-Балтийском канале на два с половиной года.

В 1933 году, освободившись, отец Александр был хиротонисан (посвящен) в сан епископа Алма-Атинского. Но уже в 1936 году следует новый арест. По отбытии очередного, на сей раз трехлетнего, срока владыка проживает как частное лицо в Кировской области. Здесь его и застает известие о начале Великой Отечественной войны.

С первых часов войны церковь занимает ярко выраженную патриотическую позицию. Уже утром 22 июня 1941 года местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) выступит с посланием верующим, где призывает встать на защиту Родины против агрессора. В новых условиях государственная политика по отношению к церкви меняется.

— В 1941 году была запрещена сама категория «антирелигиозная пропаганда», были закрыты все атеистические журналы, — поясняет кандидат исторических наук, доцент Михаил Нечаев. — Такие издания, как «Безбожник» и «Антирелигиозник», прекращают выпускаться уже в июле 1941 года.

По всей стране начинают вновь открывать храмы. В 1943 году состоялась встреча Сталина с православными архиереями. Церковь получает легальный статус и право избрать Патриарха. Им становится митрополит Сергей.

В том же году епископ Александр возглавляет Пермскую (в то время Молотовскую) епархию. Кафедральным собором поначалу является единственный действующий храм на территории города Перми (Молотова) — Всехсвятская церковь. Именно здесь владыка совершает богослужения и начинает свою плодотворную работу — прежде всего по открытию храмов. Необходимо было восстановить епархию, и всего за два года (1943—1945) количество действующих церквей в Прикамье увеличивается в четыре раза, с десяти до сорока. Усилиями владыки верующим возвращают и Свято-Троицкий храм на Слудской горе, который с того времени является кафедральным собором Перми.

— Мы можем сказать, что архиепископ Александр становится настоящим духовным вождем православного народа Прикамья, — отмечает протоиерей Алексий Марченко. — Церкви были переполнены молящимися. Люди, изголодавшиеся по слову Божию, приходили в храм, чтобы слушать проповеди архиепископа. Прихожане с удовольствием внимали поучениям своего архипастыря. Духовенство уважало его как человека глубоко порядочного, строгого руководителя.

Есть свидетельства, что прикамские священники за глаза называли отца Александра «Флота Его Величества архиерей». По воспоминаниям современников, во время богослужения владыка стоял в центре храма на кафедре с осанкой морского офицера.

22 февраля 1945 года епископа Александра возводят в сан архиепископа с формулировкой «за внимание к архипастырским трудам и за патриотическую деятельность». С великой радостью владыка встретил 9 Мая — День Победы. Но уже совсем скоро годы

и болезни берут свое. 23 сентября архиепископ Александр отошел ко Господу. Похоронили его за алтарем Свято-Троицкого кафедрального собора. Могила владыки, который практически из пепла возродил Пермскую епархию, и сейчас особенно почитается среди верующих.

До конца жизни, несмотря на напряженную архипастырскую службу, владыка не оставлял и научную деятельность.

— Рукописи своих трудов он возил из ссылки в ссылку, из города в город с собой, — говорит доктор исторических наук протоиерей Алексей Марченко. — Часть из них была изъята в качестве «вещественных доказательств» и пропала. Но в наши дни Господь возвращает нам духовное наследие архиепископа Александра, и некоторые его неопубликованные книги сегодня из частных архивов приходят к нам, и, возможно, мы скоро предпримем усилия, чтобы их издать.

До конца жизни владыка хранил подарок своих товарищей-офицеров — флотскую памятную стопочку. На ней выбиты номера судов — миноносцев № 203, № 205 и № 206, на последнем из которых когда-то служил молодой мичман Толстопятов. На стопочке выгравирована его подпись и подписи его боевых друзей.

Ахмедшин Фарухша

*«Каждый образ
и каждый исчезнувший след
В усыпальницу времени
лягут на тысячи лет.
И на круги своя
наши годы когда возвратятся,
Сохраненное бережно
явит Всевышний на свет...»*

Ибн Сина (Авиценна)

Ахмедшин Фарухша Ахмедович (1900—1989) был директором неполной средней татарской национальной школы № 10 г. Перми в эпоху сталинизма.

О его судьбе удалось узнать от двоюродной племянницы Смирновой Наиля Шарифуловны, 1942 г.р., и снохи Ахмедшиной Нины Ивановны, 1932 г.р., проживающих в г. Пермь.

Фарухша родился 15 февраля 1900 г. в многодетной татарской семье: отец — Ахметша Багаутдинов, рабочий завода № 172 им. Молотова, мать — Марьям, домохозяйка, братья и сёстры: Габдулла, Анвар, Рабига, Саида, Марьям и Шафига. Все они жили в Рабочем поселке в Перми.

*Семья Фарухши Ахмедовича, 1925 г.
Во втором ряду слева: жена Баян, мать Марьям,
отец — Ахметша Багаутдинов, старший сын
Фарухши Ахмедовича — Камиль,
братья, сёстры с семьями.*

Фарухша начал работать с 14 лет. До революции работал «мальчиком продавца», продавцом в Мотовилихе в магазине Курбана Галеева, крупного уральского купца — с 1914 до 1916 года¹ (на момент ареста Фарухши Курбан Галеев якобы находился за границей)². С 1916 по 1918 год работал на Мотовилихинском заводе. После революции в 1918 году, по приглашению Курбана Галеева, который на тот момент был членом правления тюменского потребительского общества, Фарухша уехал в город Тюмень и работал там про-

¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 7.

² Там же.

давцом в одном из магазинов потребкооперации до апреля 1919 года.

Со 2 апреля по 13 декабря 1919 года был взят в ряды Белой армии по призыву³. Служил в «отдельном Колчаковском ударном батальоне, который потом развернулся в 7-й Сибирский полк»⁴, в должности рядового «писарьского-ученика»⁵. Участвовал в наступлении на г. Мензелинск (ныне территория республики Татарстан), часть потерпела поражение и отступила до г. Тюмени⁶. Чуть дальше от Тюмени заболел тифом и вместе с санитарным вагоном был захвачен в плен Красной Армией. В плену после госпитализации направлен на лесозаготовки. С 1920 по 1922 год числился в Сибирской трудовой армии⁷. С 1926 по 1929 год служил в должности политрука, параллельно являлся депутатом Молотовского госсвета РК и КД и одновременно членом райкома советоргслужащих. В 1930 году был членом пленума Юговского РК ВКП (б). С 1933 года — председатель Янычевского сельского совета. Член ВКП (б) по 1935 год, в 1935 году был исключен из партии «за скрывание службы в Белой армии». В 1937 году восстановлен в рядах ВКП (б) в категории воинского учета запаса, где и состоял на учете при Пермском РВК как член среднего командного состава (К-4)⁸.

На момент ареста в 1937 году Ахмедшин Ф.А. являлся директором и учителем Пермской неполной

³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 17.

⁴ Там же.

⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 5 об.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 17.

⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 6 об.

⁸ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 20 об.

*Ячейка ВКП (б) 4 гр. КВД. РККА, г. Смоленск, 1928 г.
Ахмедшин Ф.А. — второй слева в верхнем ряду.*

*Учителя и выпускники татарской неполной
средней школы № 10. г. Пермь, 1935 год.*

татарской средней школы № 10. На период работы в школе имел незаконченное высшее образование, обучался на третьем курсе педагогического института, который он окончил позднее, уже после освобождения из-под ареста. В числе педагогического коллектива школы были «лица из классовой чуждой среды», как, например, завуч Тайсин Мук (н) ир — сын кояновского муллы; педагог Тайсина Фатыма — дочь муэдзина; педагог Насырова Марзия — дочь бывшего крупного торговца г. Кунгура⁹.

Он был арестован в 1937 году сотрудниками НКВД по обвинению в шпионаже в пользу Японии, предусмотренном статьями: ст. 58-6, ст. 58-11 УК РСФСР. Ордер на арест был получен 29 декабря 1937 года. Первый допрос состоялся 3 января 1938 года. Основанием ареста послужил донос Габдуллы Гайнуллина (сидели в одной камере), в содержании обвинения: «в 1935 г. завербован Рахматуллиним Закирьяном Сабирьяновичем (руководитель организации до половины 1936 г., до ареста органами НКВД)¹⁰, бывшим торговцем, в националистическую диверсионную организацию, руководимую Харбинским обществом мусульман, состоявшую из нацбелоэмигрантов, белогвардейцев и бывших торговцев. По заданию названной организации занимался сбором шпионских сведений по оборонному заводу № 98 и передавал их руководству организации и, будучи директором, засорял ее аппарат чуждо классовым элементом, воспитывал учащихся в фашистском духе». Рахматуллин З.С., член националистической шпионской организации, по

⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 18.

¹⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, Л. 13, 13 об.

заданию японской разведки был ее резидентом, предлагал Ахмедшину «засорять школу чуждым преподавательским составом, дабы обеспечить воспитание учащихся в антисоветском направлении»¹¹.

На момент ареста у Фарухши Ахмедовича была семья: жена Баян Шамсутдиновна (34 года) — домохозяйка, два сына: Камиль (13 лет) — ученик 6 класса, Рафик (9 лет) — ученик 2 класса и дочь Ляля (11 лет) — ученица 4 класса. Проживали в г. Перми, по ул. Советская, д. 120, кв. 4.

«За недоказанностью и отсутствием состава преступления меру пресечения — содержание под стражей — заменить. Ахмедшина Ф.А. из-под стражи освободить»¹². 17 декабря 1938 года (г. Пермь, тюрьма № 1) уголовное дело прекращено с полной реабилитацией¹³. Освобожден был через месяц с небольшим, 22 января 1939 года.

В конце января был приглашен на работу в Пермоблоно. «Общий трудовой стаж по найму до поступления в Пермский Областной Отдел Народного Образования 23,5 года, по справкам подтверждено 17,5 лет, остальной стаж работы записан со слов»¹⁴.

С 28 января 1939 г. по 16 июля 1968 г. (до выхода на пенсию) работал в Пермском (Молотовском) областном отделе народного образования, занимая должности старшего экономиста, заведующего планово-финансового сектора, инженера. За годы работы

¹¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, л. 7-9 об.

¹² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. № 1. Д. № 1730, л. 24.

¹³ Справка о реабилитации отца от 21.01.1994 № 13-1330-93, выданная прокуратурой Пермской области // Семейный архив Н.А. Шарафутдиновой.

¹⁴ Выписка из трудовой книжки Ахмедшина Ф.А.

Ф. А. Ахмедшин «за добросовестное, честное отношение к работе, за аккуратное выполнение возложенных обязанностей», «за долготлетнюю и добросовестную работу» неоднократно был награжден почетными грамотами, отмечен благодарностями, награжден значком «Отличник народного просвещения»¹⁵.

*Портрет Фарухши
Ахмедовича, 15.10.1945.*

В годы Великой Отечественной войны известно, что Фарухша Ахмедович «с 20 ноября 1941 г. освобожден от работы в связи с призывом в Советскую Армию. С 24 февраля 1946 г. назначен на должность инженера Молотовского облоно»¹⁶.

С февраля 1942 г. по май 1945 г. состоял в звании лейтенанта в 184-й отдельной транспортной роте в составе 364-й дивизии 3-го Белорусского фронта. Награжден медалью «За взятие Кенигсберга» в 1947 г.¹⁷, орденом Великой Отечественной войны II степени в 1985 г.¹⁸.

Вопрос о сохранении национальных традиций в жизни интеллигентной татарской семьи на примере Ахмедшиных наводит на размышления — что имеется в виду? Исполнение религиозных обрядов (чтение намазов, аятов из Корана и т.д.) родственники семьи

¹⁵ Выписка из трудовой книжки Ахмедшина Ф. А.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Журнал участников ВОВ по Ленинскому райвоенкомату г. Перми. Список № 19.

¹⁸ Сайт «Подвиг народа».

не припоминают, а вот сохранение татарских национальных традиций, культуры, обычаев в истории семьи из рассказов, воспоминаний родственников, из сохранившихся фотографий прослеживается.

Семья Ахмедшиных, живя в русскоязычной среде, придерживалась мусульманских традиций. Глава семьи — Фарухша-абый — заботился о достатке: имея высшее образование, несколько лет работал директором Пермской средней неполной татарской школы № 10. Затем, после службы в армии в годы Великой Отечественной войны, занимал должность главного экономиста в Пермском областном отделе народного образования, где проработал до выхода на пенсию.

В решении всех жизненных вопросов семьи мнение Фарухши Ахмедовича было главным, определяющим. Мать — Баян Шамсутдиновна, домохозяйка — занималась воспитанием детей; будучи прекрасной хозяй-

Татарское общество, 1925 г. Семья Ахмедшиных во втором ряду: Баян Шамсутдиновна справа третья и Фарухша Ахмедович справа второй.

кой и заботливой матерью, она отменно готовила татарские национальные блюда. Дом сверкал чистотой, в нем царили уют, доброжелательность, в воспитании детей поощрялись уважение к старшим, стремление к знаниям. Из воспоминаний племянницы Смирновой Н.Ш.: «В воскресный день обед на кухне был как ритуал: апа (жена Фарухши Ахмедовича) наливала «папке» (Фарухша Ахмедович) суп с лапшой и ставила перед ним, потом приступали к еде и остальные члены семьи. На полке буфета у дяди всегда была коробочка с витаминами. Все было чинно и просто, чувствовалось, что трапеза совершается при одобрении хозяина. А потом после чая начинались разговоры, шутки. Дядя был очень обаятельным и добрым, но в то же время скромным человеком. Мудрый учитель — это тот, кто сам учится с учениками — этой истине Фарухша Ахмедович был верен всегда. Он любил задавать «вопросы на засыпку» по грамматике, проявляя себя в этих заданиях как настоящий учитель, делал все это не строго, а мягко, с улыбкой. Даже в старости его умная дочь Ляля сказала: «Папа попросил меня купить школьный учебник алгебры, хочу, говорит, проверить себя, не забыл ли я математику...»

Дети: Камиль, Ляля, Рафик — ученики школы, в которой служил отец. То, что жили они среди русскоговорящего населения, сказалося на воспитании: дети продолжали учебу в школах на русском языке, дома между собой тоже общались на русском, службу в мечети не посещали, т.е. присутствовал явно элемент ассимиляции, что было характерно тогда для грамотного татарского населения. В доме всегда были свежие газеты, журналы, небольшая библиотека, радио. Можно сказать, что это была одна из мно-

гих просвещенных татарских семей в Перми в конце 40-х — начале 50-х гг. XX века.

Родители дали детям возможность получить высшее образование. Старший сын — Камиль — стал военным; окончив Ленинградскую военную академию с красным дипломом, по направлению академии уехал вместе с семьей в воинскую часть г. Энгельса Саратовской области. В 1956 г., исполняя обязанности бортового инженера-инструктора на тяжелом бомбардировщике, трагически погиб вместе со всем экипажем во время авиакатастрофы на испытаниях. Трое детей Камилля — две дочери и сын — остались сиротами, с матерью Валентиной проживали в г. Энгельсе.

Далекий и счастливый для семьи Ахмедшиных 1951 год, вся семья в сборе, дружная семья, радужные надежды на будущее. Родители Фарухша-абый и Баян-апа, дети — Ляля, Рафик с невестой и Камиль с семьей: жена Валентина, дочка Галия — ей всего 1 годик.

Дочь Ляля, окончив классический университет г. Перми, стала ведущим специалистом-химиком, доцентом Пермского политехнического института. Младший сын — Рафик — также по окончании этого же института стал инженером-электриком, проработал в Пермэнерго.

После трагической гибели сына Камиля жена Фарухши Ахмедовича Баян Шамсутдиновна не вынесла тяжелого горя и лишилась рассудка, на долгие годы став пациенткой психиатрической больницы... Но и преданный муж, и любящие дети до конца ухаживали и опекали своего родного человека. Болезнь жены усложнила отношения между родственниками, семья Ахмедшиных отдалилась от многих. В частности, прекратилось общение с родной сестрой жены — Гаян. Ее дочь — Смирнова Наиля Шарифулловна — всегда тепло и сердечно вспоминает о тех временах, когда семья общались, собирались вместе за праздничным столом, шутили, смеялись, пели татарские народные песни, трогательные до слез... Будучи рожденной в 1942 г., Наиля Шарифулловна не видела родного отца, так как он погиб на войне, как и тысячи других солдат, защищая свою Родину, поэтому Фарухша Ахмедович в некоторой степени заменил ей папу и стал для нее «папкой». Очень хорошо она помнит Камиля, каким он был внимательным и добрым ко всем близким, особенно по отношению к детям. До сих пор она хранит подарки от брата — книжку «Васек Трубачев и его товарищи», а также множество ярких красивых открыток с изображением самолетов. Семья Ахмедшиных подарила ей первую школьную форму, портфель.

Из воспоминаний снохи Фарухши Ахмедовича, жены сына Рафика — Нины Ивановны Ахмедши-

ной — становится ясно, что он был не только преданным, любящим мужем, отцом, дядей, но и заботливым дедушкой, который до последнего посылал деньги своим внукам и снохе — семье погибшего Камиля.

Пройдя непростой, тернистый, но яркий жизненный путь, Фарухша Ахмедович Ахмедшин ушел из жизни в возрасте 89 лет в 1989 г., похоронен на Егосихинском кладбище г. Перми. Из детей Фарухши Ахмедовича в живых тоже никого не осталось, сын Рафик и дочь Ляля ушли из жизни в 2005 году.

Трое детей Камиля поддерживали родственные отношения, приезжали в гости. К сожалению, на данный момент судьба его внуков неизвестна, так как связь прервалась после смерти дедушки и бабушки... В Перми проживает внучка — дочь сына Рафика.

Литература и источники

1. Следственное дело № 21664 от 1938 г. Ахмедшина Ф.А.
2. Личные документы Ахмедшиных (трудовые книжки, письма).
3. Справка из военкомата на Ахмедшина Ф.А.
4. Фотографии из семейного архива Ахмедшиных.
5. Очерк «Из семейного фотоальбома» Смирновой Н.Ш. от 01.05.2017.
6. Личные беседы, воспоминания Смирновой Н.Ш. (с 2017 по 2019 год).
7. Воспоминания Ахмедшиной Н.И., 2019 г.
8. «Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий». Часть 3-я, том 1. Пермь, кн. изд-во, 2003 г. С. 137.
9. «Татары и башкиры Перми». Д. Закиров. Изд. «Пермь», 2008 г.
10. Материалы из интернет-сайта «Подвиг народа»: <http://podvignaroda.ru>

**«Наступает последний час
и нам нужно объединиться!»:
дело антисоветской баптистской группы
в Щучье-Озерском районе Пермской области¹⁹**

В рамках репрессивных операций 1937–1938 гг. особое место занимают национальные операции, или, как их называли следователи НКВД, «операции по инобазе». Внутренняя логика национальных операций трудно поддается реконструкции: в ней сплетались в причудливый узел и кулацкое прошлое, отсылающее нас к т. н. «кулацкой операции», и «шпионская линия», и «сектантство», и многое другое. В статье речь пойдет об одном из аспектов немецкой операции — этноконфессиональном, который в последнее десятилетие активно обсуждается историками. Публикации западных историков аккумулированы в журнале «*Slavic Review*»²⁰, большинство авторов считают национальные операции этническими чистками. Другой позиции придерживается немецкий историк М. Юнге, который

¹⁹ К сожалению, в архивно-следственном деле на Еске Мануила Ивановича (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680) фотографии не содержатся.

²⁰ См., например, Eric D. Wetz. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*, Vol. 61, No. 1 (Spring, 2002), pp. 1-29; F. Hirsch. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*, Vol. 61, No. 1 (Spring, 2002), pp. 30-43; A. Lemon. Without a «Concept»? Race as Discursive Practice // *Slavic Review*, Vol. 61, No. 1 (Spring, 2002), pp. 54-61.

0399

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЧИТЕНС 1962

Архив ВЧК—ОГПУ НКВД по Молотовской обл.

Год производства 1942

Пермский областной
Государственный архив
по делам политических репрессий

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 4812

по обвинению *Севе Мелеуша Шолохова*
Келье и Тустава Абушевича

Имя и фамилия прокурорского
органа дела до 1942 года

Регистрировано № 10 - 10 1952 г.

Полученное из архива дело должно быть
возвращено через 10 дней с момента полу-
чения его.

ПЕРЕДАЧА ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ АРХИВА ДЕЛ
в другие отделы или органы производится
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЧЕРЕЗ СПЕЦОТДЕЛ УНКВД.

6680

Арх. №

Том № 1

Переплетено в 1942 г.

Дело в 1 томах

СЧ/1
с. 1

Дело № 6680

Формат 148x210 мм. Изготовлено в соответствии с ГОСТ 194-1-55

настаивает на необходимости поиска социальных, а не национальных причин репрессий²¹. Отечественный исследователь А. Савин предпринял попытку сравнительного анализа аргументов «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма, сделав вывод о том, что применительно к разным группам немцев этот тезис работал неодинаково²².

Дело антисоветской баптистской группы мы рассмотрим на примере архивно-следственного дела Мануила Ивановича Еске, который был объявлен ее руководителем и организатором.

Архивно-следственное дело М.И. Еске содержит солидный массив документов, характерных для такого рода источника: постановление об избрании меры пресечения, ордер на арест, протокол обыска, анкета арестованного, протоколы допросов обвиняемого, справка из сельского совета, протоколы допросов свидетелей, передопросы свидетелей, протокол судебного заседания, жалобы и прочее²³. В деле имеются восемь протоколов допросов свидетелей, при этом одним из свидетелей подчеркивается, что с немцами в деревне отношения складывались довольно напряженные: П.П. Лужбин проговорился, что «немцы в общении с русскими были сдержаны и недоверчивы»²⁴.

²¹ Binner R., Bonwetsch B., Junge M. Massenmord und Lagerhaft. Berlin, Akad.-Verl., 2009.

²² Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40-61.

²³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680.

²⁴ Протокол допроса свидетеля П.П. Лужбина 21.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 14.

Расследование по делу Мануила Ивановича Еске длилось более двух лет, в ходе его принципиально меняется характер обвинений. Сценарий немецкой операции следователями НКВД строился изначально по общей схеме: первый допрос с обвинениями в участии в контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации и шпионаже, признание обвиняемого, «изобличение» несколькими показаниями других арестованных и скорый суд. Дело М.И. Еске первоначально «расследовалось» по обвинению в шпионаже, однако далее было переквалифицировано на обвинение в антисоветской агитации.

Еске Мануил Иванович был арестован 26 февраля 1938 г. Щучье-Озерским районным отделом НКВД как участник контрреволюционной организации. Протокол первого допроса, состоявшегося спустя месяц после ареста, содержит признание М.И. Еске в том, что он был завербован в 1935 г. участником организации Дельгас А. Ю.²⁵ Далее следует длительная пауза: следующий допрос состоялся только спустя полгода и включал вопросы, направленные на выяснение его связей: есть ли родственники за границей, проживал ли когда-нибудь за границей и проч. Вопросы об участии в контрреволюционной организации более не задавались, интерес следователя сфокусировался на итогах коллективизации. Особое внимание следователи обратили на то, почему в деревне не организованы колхозы.

Деревни первая Николаевка и вторая Николаевка были поселениями компактного проживания немцев²⁶.

²⁵ Протокол допроса свидетеля П.П. Лужбина 21.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 14.

²⁶ По данным на 1926 г. в Николаевках проживало 81 и 133 немцев соответственно (Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г. Справочник. М., 2002. С. 79).

По показаниям свидетеля М.А. Ахмулина, председателя сельского совета, общее собрание жителей села первая Николаевка и вторая Николаевка постановило в колхоз не вступать, а направить делегата в Москву, которым был выбран Браткранц Густав²⁷. Что делал Браткранц в Москве, доподлинно неизвестно, но, по слухам, он побывал в германском посольстве и просил помощи. После возвращения делегата, опять же по слухам, Германия незамедлительно стала оказывать помощь советским немцам, которая выражалась в посылке денежных средств. Так в деле М.И. Еске появляется вторая сюжетная линия, связанная с получением помощи из Германии.

Из этого же протокола допроса Ахмулина мы узнаем, что «Еске Мануил Иванович немцев первой и второй Николаевки собирал у себя на квартире и справлял религиозные обряды, читал религиозные книги и вел агитацию против колхозов, мотивируя, что настанет антихристово время и все колхозы развалятся»²⁸. Финальным тезисом показаний Ахмулина стало обвинение Еске в эксплуататорстве и спекуляции²⁹. Так в деле появляется несколько новых сюжетов: противодействие коллективизации, получение помощи от Германии и руководство религиозной баптистской группой.

На первый взгляд, мы видим довольно распространённый сценарий ведения следствия, который использовался при проведении т.н. кулацкой операции. Так,

²⁷ Протокол допроса свидетеля Ахмулина М.А. от 19.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 10.

²⁸ Там же. Л. 10Об.

²⁹ Там же. Л. 11Об.

например, германский историк М. Юнге считает, что в качестве основного источника для обвинения в ходе кулацкой операции использовалась справка из сельского совета³⁰. Основным свидетелем по делу М.И. Еске был М.М. Штайн³¹, который, по-видимому, имел какие-то личные счеты с Еске. Согласно этим показаниям, «Еске Мануил Иванович — кулак, с 1929 г. был лишен избирательных прав, в течение длительного периода держал батраков, в хозяйстве имел 2 лошади и 5-6 коров. Кроме того спекулировал скотом вплоть до 1933 года, имел большие связи с крупными спекулянтами, которые приезжали к нему <...> на квартиру. Преимущественно закупленный скот Еске сдавал в г. Кунгур и Свердловск. Облагался индивидуальным налогом, ставился вопрос о раскулачивании в 1931 году, но для меня непонятно, почему был этот вопрос не доведен до конца»³². Как пояснял в своем апелляционном заявлении Еске, «причина неправильных показаний Штейна и его родственников заключается в том, что Штайн в 1931 и в 1932 г. <...> ошибочно обложили заданием хлеба, а потом лишили

³⁰ Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 613-623.

³¹ В деле встречаются два варианта написания фамилии: Штайн и Штейн, что связано с особенностями написания и произношения в немецком языке.

³² Протокол допроса свидетеля Штайн М.М. от 18.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 20.

прав, вскоре я был восстановлен»³³. Подобные показания давали и другие свидетели, однако в ходе судебного заседания от своих показаний отказались.

Второй сюжет, связанный с получением помощи из Германии, не был выдуман следователями НКВД, такая помощь действительно была, правда, какая именно, выяснить не удалось. Кто был инициатором этой помощи, также остается загадкой. В приведенных выше показаниях М.А. Ахмулина сообщалось, что помощь пришла после возвращения делегата Браткранца, тогда как в показаниях М.М. Штайна указана другая версия событий: «К Еске М.И. из Германии приезжал и жил некто Генкель. После того, как я, работая председателем сельсовета, предложил участковому милиционеру Щербинину Алексею проверить документы гр. Генкель, последний сразу же после проверки выехал из деревни 2-й Николаевки в дер. Сергеевку к Бранту Эдмонт. После отъезда Генкеля в Германию стали жители деревни 1 и 2 Николаевки получать из Германии денежные переводы и посылки»³⁴. Что было в посылках? Здесь также нет однозначного ответа. В показаниях М.М. Штайна читаем: «характерно, что был свидетелем, когда получили посылки Либерт Андрей и Еске Мануил, то в посылке находилось 10 кг простого размола пшеничной муки, 2 кг растительного масла, 3-4 печатки туалетного мыла и 2-3 кг ячменной крупы»³⁵. В по-

³³ Заявление Еске М. в судебную коллегия по уголовным делам Молотовского суда от 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 144Об.

³⁴ Протокол допроса свидетеля Штайн М.М. от 18.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 21Об.

³⁵ Там же.

казаниях Р.И. Гаака указано, что «в посылках посылались хлебные отруби, непригодные для пищи. <...> Получением подобных посылок старались клеветать, что население страны голодает, а вот Германия пострадавшим приходит на помощь»³⁶. Немецкие марки появляются в показаниях еще одного свидетеля: «...в году 1933-1934 Еске написал Генкелю письмо, содержание письма для меня неизвестно, и вскоре после этого письма из Германии в нашу деревню ряду лиц пришла германская марка, некоторые, в том числе и я, до сих пор не знаем, кто и как посылал эти марки»³⁷. В протоколе допроса, состоявшегося в ходе судебного заседания, Еске сообщал, что в посылке было немного ржаной муки, килограмм сахара и банка подсолнечного масла³⁸. Показания свидетелей о получении немецких марок и посылок жителями деревень первая и вторая Николаевка, скорее всего, были правдой, по крайней мере, М.И. Еске этого факта не отрицает даже после суда. Получение немецких марок от германского посольства вполне предсказуемо было расценено как финансовая помощь для ведения контрреволюционной деятельности.

Третьим направлением расследования органов НКВД стало руководство М.И. Еске контрреволюционной баптистской группой.

Обвинения строились на основе допросов свидетелей, в частности, вышеупомянутого Штайна: «Ру-

³⁶ Протокол допроса свидетеля Гаак Р.И. от 20.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 2706.

³⁷ Протокол допроса свидетеля Гаак Г.К. от 08.06.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 35.

³⁸ Протокол судебного заседания 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 135.

ководство религиозной баптистской организации Еске М.И. возглавил с 1929 года. Перед коллективизацией сельского хозяйства в сельсовете и районе в баптистскую организацию приехали представители, мне кажется, это было в 1929 году. Один из них был арестован и направлен в район, но почему-то был освобожден. Приезжающие представители “баптистов” останавливались на квартире у Киност Августа и Еске Мануила Ивановича. По приезде представителей “баптистов” жители деревень первой и второй Николаевки справляли религиозные обряды. На подобных религиозных обрядах я лично также присутствовал. Содержание всех проведенных бесед при представителях баптистов, происходящих на квартирах Еске Мануила Ивановича и Киност Августа, было исключительно контрреволюционное, направленное против партии и правительства. Про коллективизацию баптисты говорили: “Антихристы скоро вас будут вербовать в свою партию, в ответ на это нам дана воля организовать свою баптистскую партию, которая сумела бы противопоставить себя антихристам. Антихристами баптисты называли коммунистическую партию”»³⁹. Показания свидетеля Г.К. Гаак со ссылкой на Штайна также указывали на Еске как руководителя баптистской группой: «Еске Мануил, являясь баптистом, у себя на квартире каждое воскресенье собирал народ якобы для моления, а на самом деле вел к/р разговоры, направленные на дискредитацию сов. власти. Я лично не слышал от него контрреволюционных разговоров, но от людей своей деревни слышал,

³⁹ Протокол допроса свидетеля Штайн М.М. от 18.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 20-20Об.

что они от Еске Мануила слышали такие разговоры, что сов. власть — это наступление антихриста, а коммунисты — антихристы, эти разговоры я слышал от Штайна»⁴⁰.

На очной ставке Еске и Штайна, состоявшейся 12 июня 1939 г., Штайн сообщал: «Году в 1929-1930-м Еске М.И. вместе с приезжим представителем (не знаю, как его фамилия) приезжали ко мне на квартиру проводить собрание баптистской группы, призывали население не вступать в колхоз, что “наступает последний час и нам нужно объединиться”, т.е. последним часом они называли период коллективизации»⁴¹. В свою очередь, Еске признал себя виновным в том, что «действительно состоял в религиозной баптистской группе и у меня на квартире действительно собирались члены баптистской группы, на этих сборах я говорил проповеди о божьем слове, но не контрреволюционным»⁴².

Как свидетельствовал на заседании суда Е.З. Корягин, «баптисты собирались отдельно от лютеранской секты, в секте баптистов состояло примерно 10 домов»⁴³. На суде Еске подтвердил, что принимал участие в молениях, но не признал их контрреволюционный характер, также отрицал руководство баптистской группой. В апелляционном заявлении Еске

⁴⁰ Протокол допроса свидетеля Гаак Г.К. от 08.06.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 35-35Об.

⁴¹ Протокол очной ставки Еске М.И. и Штайн М.М. от 12.06.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 37.

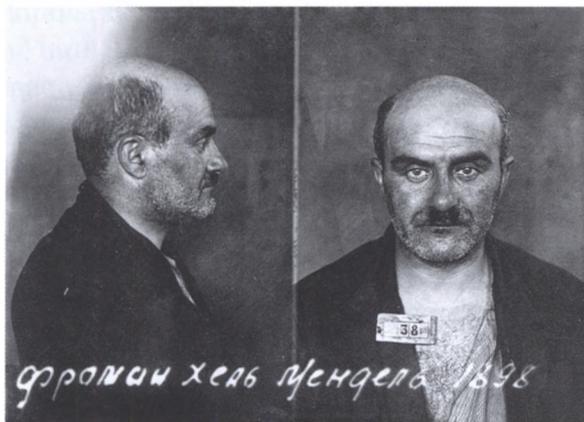
⁴² Там же.

⁴³ Протокол судебного заседания 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 135Об.

отрицал, что он является баптистом, ссылаясь на показания свидетеля Корюгина: «Еске не баптист, потому что по религиозным обрядам баптистов нельзя ругаться, пить, курить и т.п., а Еске <...> это не соблюдал, он (Еске) вообще верующий Богу»⁴⁴. В протоколе судебного заседания таких показаний Корюгина зафиксировано не было. В результате Еске был приговорен к 5 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 2 года, реабилитирован только в 2002 году. Судьба остальных «участников» антисоветской баптистской группы сложилась более удачно: Дельгас Август Юлисович, Дельгас Адам Юлисович, Еске Самуил Федорович, Кельм Густав Августович, Кренц Юльяс Христофорович, Либерт Юлис Николаевич, Ленгерт Райнгольд Готфридович, Ратке Иван Васильевич и др. были освобождены на этапе следствия.

⁴⁴ Заявление Еске М. в судебную коллегия по уголовным делам Молотовского суда от 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680. Л. 144Об.

**«Виновным себя в проведении
антисоветской агитации я не признаю...»
(история ареста и следствия
кантора Хеля Фромана)**

Утро. Как хорошо прогуляться по перрону после длительной поездки в переполненном душном вагоне! Там, на западе, уже третью неделю идут бои, немцы захватывают один город за другим. А здесь, на Урале, тишина, и только пути, забитые эшелонами с военной техникой в сторону Москвы, да грузовые поезда с оборудованием с запада говорят о военном положении.

- Гражданин! Ваши документики!*
- Э... Что? Да, вот, пожалуйста...*
- Фроман? Хель Менделевич?*
- Да.*
- Откуда — куда следуете?*

- *Из Москвы в Нижний Тагил.*
- *Немец?*
- *Нет, еврей.*
- *Чем занимаетесь?*
- *Кантор. Был кантором в синагоге во Львове.*
- *Так... Пройдемте, гражданин, со мной в отделение.*

И по перрону в сторону станции Пермь II не спеша пошли два человека. Первый — уже не молодой, хотя еще и не старый, но видно, что повидавший в своей жизни немало, да и переживший тоже. Ссутулившись, сложив руки за спину, опустив полные грусти глаза, покорно шагал он перед молодым и бодрым сержантом в вокзальное отделение.

Молодой сержант госбезопасности, замначальника оперативного отделения НКГБ станции Пермь II УНКГБ Молотовской области Шляпников⁴⁵ начинает допрос. Почерк сержанта уверенный, ровный, не по-мужски красивый, с вензелями. Сержант хорошо осведомлен о текущей политической ситуации, разбирается в культовой религиозной терминологии. Его интересует все: от биографических подробностей задержанного, его семьи, до имен знакомых, причинах постоянных смен мест жительства и маршрутах передвижения. Сам допрос скорее напоминает беседу, в которой собеседник искренне рассказывает о своей жизни, о своих родных и знакомых.

⁴⁵ Здесь и далее по тексту реконструкция событий и цитирование, упоминание лиц основано на материалах архивно-следственного дела № 4325 в отношении Фромана Х.М. (фонд 641/1, опись 1), любезно предоставленного автору для изучения и написания очерка Пермским государственным архивом социально-политической истории.

Фроман Хель Менделевич, родился в 1898 году, в городе Петков («бывшая Польша»), еврей, гражданин СССР, без определенного места жительства, сын торговца, служитель религиозного культа — кантор⁴⁶ («дьякон»), закончил 8 классов музыкальной школы в городе Петков. Из семьи торговцев: отец — Фроман Мендель Абрамович, «имел свой магазин в городе Петков, продажа хлеба, муки, сахара и т.д.», мать — Фроман Малка, проживают в городе Петков («Германия»); брат — Фроман Абрам Менделевич, проживает в городе Амстердам («Германия»); жена — Шарфгарц Брона, 1902 г. р., проживает в городе Варшава, ул. Пава, 51, кв. 29, детей нет; жена — Лина И. Юхтман, брак зарегистрирован 18 марта 1941 года Дзержинским райотделом ЗАГС г. Москвы, проживает по адресу: г. Москва, Марьино Роща, ул. Вторая, д. № 8, кв. 17, работает на трикотажной фабрике. В 1920—1921 годах служил в Польской армии («армии Пилсудского») в 25-м стрелковом полку. Беспартийный. Несудимый, репрессиям ранее не подвергался, в Красной Армии не служил, в бандах, контрреволюционных организациях и восстаниях не участвовал, сведения об общественно-политической деятельности — «никакой»⁴⁷.

Сухие факты из анкеты арестованного и протокола допроса. Но за этими биографическими строчками — счастливое детство в крепкой религиозной семье, в которой родители дали перспективное образование для своего музыкально талантливого сына, водоворот революционных событий 1920-х годов, первый брак, в ко-

⁴⁶ Кантор — певчий в синагоге.

⁴⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 11.

тором так и не появились дети, второй брак, счастьем в котором тоже не суждено было сбыться. И главное дело жизни — служение Господу с 7 лет, 35 лет всей своей сознательной жизни! Из них 10 лет служил в синагоге в Венгрии в городе Будапеште с 1914 по 1924 год. Именно служение Господу, поддержка единоверцев в их тайном богопочитании и молитвах и стали той главной причиной постоянных поездок Хеля Фромана по советской стране. Отвечая на вопросы, задержанный, ничего не скрывая, подробно рассказывает, как он оказался на территории СССР и чем занимался до его задержания на станции Пермь II.

«С территории Германии, бывшей Польши, я выехал из города Варшавы в июле месяце 1939 года по предложению старшего наставника Синагоги города Львова Липшиц Мовша, для службы в Синагоге, на какой улице Синагога стоит я не помню. В городе Львове я работал три месяца исполняя обязанности кантора. С приходом Советской власти в город Львов я вместе с Липшиц стал безработный, в 1939 году во время большого еврейского праздника мне Липшиц сказал, что “сейчас надо менять специальность на рабочего и ехать на Урал добровольно в город Нижний Тагил, вы научились хорошо владеть русским языком и будете хорошо зарабатывать”. С приходом советской власти я находился в гор. Львов еще три месяца. Служил в разных синагогах, так как меня по городу Львову знали, как хорошего кантора, заработок мой был сколько принесет народ, за последнее время заработок был плохой. Липшиц стал особенно настаивать, чтобы я поехал на Урал. В феврале месяце 1940 года я записался добровольно для поездки на Урал с львовскими гражданами

и перебежчиками. Я был высажен из эшелона в числе пятидесяти человек в гор. Н-Тагиле, а часть эшелона уехала в гор. Алапаевск и дальше по заводам.

С приездом в Н-Тагил я был устроен на работу на Кирпичный завод. На кирпичном заводе в городе Н-Тагил я проработал восемь месяцев в качестве грузчика. Но я физическую работу никогда не работал. Зарабатывал 160 рублей в месяц и мне администрация завода предложила, чтобы я уволился, так как я не выработывал заданных норм. 10/XII 1940 года я кирпичного завода уволился и уехал в город Свердловск.

С прибытием в город Свердловск я спросил у одного Еврея, фамилию не знаю, где находится молельный дом евреев. Этот гражданин подвел меня к подвалу около рынка, улицу не помню. Я зашел в подвальный молельный дом. Там находилось тридцать старших евреев, которые ничего не делали, производили моление. Когда я пришел сразу приступил к исполнению кантора. В свердловском молельном доме я пробыл пять дней. За исполнение обязанности кантора я получил 60 рублей за одно выступление. Фамилии руководителя религиозных обрядов я не знаю.

Из гор. Свердловска я уехал в город Куйбышев. С прибытием в город Куйбышев я стал разыскивать Молельный Еврейский дом⁴⁸. Я встретил одного еврея на улице и спросил, где есть дом Молитвы. Он довел меня до Молельного дома. Дом находится,

⁴⁸ В протоколе следователь по-разному пишет слова «молельный дом», «евреи» — в одних случаях с заглавной буквы, в других — со строчной.

на какой улице я не знаю, на первом этаже, дом одноэтажный. Когда я зашел в молельный дом, то там было человек 25 старших евреев, которые ежедневно исполняли религиозный культ. С приходом в Молельный дом я сразу приступил к исполнению кантора. В городе Куйбышев в молельном доме я находился два дня, исполняя обязанности кантора, получив 80 рублей, выехал в город Ярославль. Фамилии старших исполняющих религиозный культ я не знаю.

Из города Ярославля я выехал числа 25/XII 40 года. С прибытием в город Ярославль я разыскал молельный дом еврейский, расположенный за городом. На улице я спросил одного еврея о нахождении места Молельного дома, который меня довел до Молельного дома. С приходом в Молельный дом я сразу приступил к обязанностям кантора. В городе Ярославль пробыл два дня, исполняя религиозный культ, получил пятьдесят рублей и поехал в город Москву.

Числа 28/XII 1940 года я приехал в город Москву. С приездом в город Москву я обратился с предложением в театр на ул. Малой Бронной, но меня в театр не приняли и в Москве меня не прописывали. Я получил билет на город Киев и через одни сутки уехал в город Киев.

В город Киев приехал 30/XII 1940 года. Я приехал в Киев, в Киеве меня не прописали по месту жительства. Я выехал в город Бердичев.

В Бердичеве я нашел молельный Еврейский дом, исполнял обязанности кантора три дня, получил 90 рублей денег, выехал в местечко Четков (Галиция). В Четкове я находился 14 дней, исполнял обязанно-

сти кантора при Синагогах, был в четырех синагогах, получил 120 рублей денег. Из Четкова выехал в город Коломея и другие города. Всего был в шести городах, где находятся евреи. Все города не припомню. Во всех городах Галиции исполнял обязанности кантора, пробыв в разных городах, приехал в город Четков.

В феврале месяце я выехал в город Москву. Поддерживал в городе Москве я связь с гражданкой Юхтман Ликой, проживающей в Марьиной Роще дом № 8/17 вторая улица, работающей на трикотажной фабрике. Когда я был еще в гор. Н-Тагил я с ней имел письменную связь. Знаком с ней еще, когда я находился в городе Варшаве. Мне ее рекомендовали в городе Варшаве мои родственники. С прибытием в город Н. Тагил я, имея полученный адрес Юхтман Лики, завязал письменную связь.

С прибытием в феврале 1941 года в город Москву я сразу приехал к Юхтман Лике на квартиру по указанному адресу. Меня в городе Москве не прописывали. Я с Юхтман Ликой оформил юридический брак. В Москве я прожил пять дней. В синагогу устроиться я не смог, т. к. должности кантора были все заняты и на работу меня не приняли, т. к. не прописали на место жительства в городе Москве.

Я выехал 25/III 1941 года в город Киев, где устроился на работу в синагогу кантором. В Киеве исполнял обязанности кантора три дня, получил 70 рублей и выехал в город Бердичев. В городе Бердичеве служил в синагогах четыре дня, выехал в город Белосток.

В г. Белостоке тоже имел знакомого купца Готман Давыда, он мне рассказал, где находится си-нагоги. Я стал работать среди беженцев польских евреев. Кантором проработал в городе Белостоке 6 дней, а потом выезжал по разным городам, проживая по несколько дней в каждом городе. Был в городе Гродно и других мелких городах, исполняя обязанности служителя религиозного культа. Я приехал в Белосток, узнал, что скоро будет война с немцами. Войны еще не было, но я знал, что немцы готовят наступление. Мой наставник, фамилию не знаю, уроженец города Гродно, мне сказал: «Фроман, тебе надо ехать обратно в Н-Тагил, т. к. скоро будут наступать немцы». Я его послушал и выехал в город Белосток. Приехал в город Белосток в июне месяце, пробыл в Белостоке трое суток и выехал в город Москву. Войны в Белостоке еще не было. Я приехал в гор. Москву, то была объявлена война с немцами. С прибытием в гор. Москву заехал к Юхтман. Она мне сказала: «Езжайте немедленно в Н-Тагил». В городе Москве я пробыл шесть суток, получил билет в гор. Н-Тагил и поехал на город Молотов по направлению Н-Тагила»⁴⁹.

Следователь же сделал из этого честного рассказа о мытарствах служителя Богу иной вывод — «Фроман является подозрительной по шпионажу личностью»⁵⁰.

⁴⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 11-15. Орфография и пунктуация документа сохранены.

⁵⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 1.

Постановлением от 08 июля 1941 года в его отношении была избрана мера пресечения в виде ареста, в связи с подозрением в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР⁵¹, и «принимая во внимание, что Фроман Хель Менделевич, находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда». Ордер на арест выдан в этот же день с санкции заместителя молотовского областного прокурора Крючкова.

При предъявлении ордера на арест тут же был произведен обыск. Согласно протоколу обыска, у арестованного изъято следующее: «паспорт № 546427 серии «I-ЭЯ», трудовая книжка, польский военный билет, переписка с разными адресами на 6 листах, две фотокарточки, пять кожаных лент с надписями тушью на иностранном языке, написанными мелким шрифтом, денег в сумме девятьсот шестьдесят восемь рублей 95 коп., одни часы металлические». На протоколе обыска имеется запись: *«Деньги в сумме десять*

⁵¹ Ст. 58-6 УК РСФСР «Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзных республик и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества».

*рублей получил на питание»*⁵², подписано собственноручно — Фроман Хель. Помещен в тюрьму города Молотов.

12 июля 1941 года дело к производству принял следователь следственной части УНКГБ Молотовской области старший лейтенант государственной безопасности Катаев. 15 июля Катаев допрашивает Фромана. Допрос начинается в 23 часа, заканчивается в 03 часа 50 минут. Через неделю Катаев выносит постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого, в котором находит, что Фроман Хель Менделевич в достаточной степени изобличается в том, что *«до 1939 года проживал в гор. Варшава, у содержателей синагог и крупных торговцев. За некоторое время до вступления немцев в Варшаву по предложению содержателя синагоги ЛИПШИЦ — ФРОМАН выехал в гор. Львов под предлогом совершения религиозных обрядов. С приходом красных войск в гор. Львов и установления советской власти в Западной Украине ФРОМАН, по предложению ЛИПШИЦ, выехал на Урал, где работал в гор. Нижний Тагил на кирпичном заводе чернорабочим. В декабре 1940 года ФРОМАН с работы уволился и с этого времени разъезжал по городам Советского Союза, где устанавливал связи с еврейскими религиозными обществами. Во время проживания в СССР ФРОМАН проводил систематическую антисоветскую агитацию»*⁵³. Руководствуясь изложенным, старший лейтенант госбезопасности Катаев переквалифицирует деяния и предъявляет Хелю Фроману обвинения в преступлении, предусмотренном

⁵² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 8.

⁵³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 18.

статьей 58-10 ч. II УК РСФСР⁵⁴. Для закрепления доказательной базы через неделю Катаев вновь проводит допрос, пытаясь закрепить показаниями обвиняемого его антисоветскую деятельность.

«Вопрос: Прежде чем участвовать на молениях в качестве кантора вы ставили об этом в известность местные органы власти?»

Ответ: Нет, об этом я никого в известность не ставил и вообще не имел никакого разрешения на проведение религиозных обрядов я не имел.

Вопрос: Следовательно в течение 6 месяцев вы нелегально проводили молитвенные собрания и свой доход, получаемый от проведения этих собраний вы укрывали от государственных налоговых организаций.

Ответ: Да, признаю себя виновным в том, что я не имея от соответствующих организаций разрешения на проведение молитвенных собраний все же нелегально проводил их. Такого рода собрания мной были проведены в городах: Свердловске, Куй-

⁵⁴ Ст. 58-10 ч. II УК РСФСР «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой — высшую меру социальной социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзных республик и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО)

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Управление по

Отдел

ДЕЛО № 1163

По обвинению *Франк Хельм Михайлович*

Начато *9 июля* 1941 г. В *Омск* ТОМХ
 Окончено *19* г. Том № *первый*

После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу, настоящее дело подлежит немедленному возвращению в 1-й Специальный отдел УИНВД Молотовской области.

К делу должна быть приобщена копия приговора.

Основание: приказ НКВД, Прокуратуры и НКЮ Союза ССР № 00353 от 10 апреля 1939 года.

Передача находящихся в производстве следственных дел, а также взятых из архива дел в другие отделы или органы НКВД, kota бы и временно, производится исключительно через 1-й Специальный отдел УИНВД.

Передача следственного дела оформляется постановлением, утверждаемым начальником управления НКВД или его заместителем.

Архив № *15033*

Сдано в архив *1925* Перевертено *14* *19* 1952 г.

34/1
 Оп. № *4325*

бышеве, Ярославле, Москве, Бердичеве и других. Получаемые суммы за исполнение на этих собраниях обязанностей кантора я по существу от налоговых организаций скрывал и ни каких налогов не платил»⁵⁵.

⁵⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 20. Орфография и пунктуация документа сохранены.

Дальше почти полтора месяца неизвестности. На допросы не вызывают, с документами не знакомят, информации о движении по делу не дают. Неизвестность изматывает не меньше, чем ночные допросы.

Два месяца спустя в связи с окончанием сроков следствия, под предлогом карантина в камере, в которой содержался Хель Фроман, и в связи с чем не проводились следственные действия, следователь Катаев выносит постановление о продлении срока ведения следствия до 22 сентября 1941 года. И.о. заместителя прокурора Молотовской области Кудряшов санкционирует продление срока следствия. Дело к производству принимает старший оперуполномоченный 1-го отделения КРО УНКВД по Молотовской области Чуянов.

В сентябре он начинает «активные» следственные действия. Нужны признательные показания!

12 сентября допрос начат в 11.45, закончен в 16.30.

13 сентября допрос начат в 23.30, закончен в 04.20.

14 сентября Чуянов переквалифицирует обвинение Хелю Фроману вновь на ст. 58-6 УК РСФСР.

15 сентября допрос начат в 21.45, закончен в 02.30.

20 сентября допрос начат в 22.30, закончен в 02 часа.

22 сентября допрос начат в 0.45, закончен в 03.30.

24 сентября допрос начат в 23.45, закончен — в протоколе время не поставлено.

26 сентября допрос начат в 22.30, закончен в 01 час.

Конвейер ночных допросов, отсутствие возможности сна и отдыха днем, отсутствие нормальной пищи, медицинской помощи, боль во всем теле сделали свое дело. Не выдержав мучений, Хель Фроман подписывает сфабрикованные показания, подписывая, по сути, себе смертный приговор. Старший оперуполномоченный Чуянов торжествует: *«Материалами следствия установлено, что Фроман Х.М. проживая в Западных областях Украины был тесно связан с религиозными общинами и являлся кантором. В 1940 году от резидента бывшей польской разведки ЛИПШИЦ Мовша, являющегося владельцем помещения синагоги в городе Львове, ФРОМАН получил задание выехать на Урал со шпионскими целями и одновременно выяснить группировки и настроения среди еврейского населения и, особенно из числа выехавших из Западной Украины и Белоруссии. Во исполнении полученных заданий от ЛИПШИЦА — ФРОМАН проник сперва на Тагилстрой, а затем добившись получения советского паспорта, стал разъезжать по крупнейшим промышленным городам СССР, собирая сведения о промышленных предприятиях. Одновременно с этим среди еврейского населения занимался проведением контрреволюционной агитации, высказывая клевету на советский строй и восхваляя капиталистические страны. В предъявленном обвинении ФРОМАН Хель Менделевич виновным себя признал»⁵⁶.*

На этом допросы прекратились. Хель Фроман сидит в камере № 11 тюрьмы № 1 города Молотова.

⁵⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 34. Орфография и пунктуация документа сохранены.

И ждет решения своей участи. И вновь гнетущая неизвестность...

Но колесо государственной репрессивной системы повернуло в другую сторону. Еще 12 августа 1941 года Михаил Калинин подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР». Указ в одну строку, решивший судьбу Хеля Фромана — «Предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях». На основании этого Указа 3 декабря 1941 года следственное дело в отношении Хеля Менделевича Фромана прекращено с освобождением его из-под ареста.

12 декабря 1941 года Хель Фроман освобожден из-под ареста под подписку о невыезде. Паспорт так и остался в следственном деле. Дальнейшая судьба кантора Хеля Фромана неизвестна.

14 октября 2013 года заместителем прокурора Пермского края, старшим советником юстиции Алек-

сандром Ивановичем Дерышовым было утверждено Заключение по итогам изучения в порядке надзора материалов архивно-следственного дела № 4325 в отношении Фромана Х.М. прокурором кассационного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Пермского края советником юстиции Веры Борисовны Фоминой: *«Фроман Х.М. неправоммерно обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-6 УК РСФСР, поскольку каких-либо объективных данных, подтверждающих причастность его к шпионажу, в материалах дела не содержится. В связи с этим, с 08 июля 1941 года по 12 декабря 1941 года обвиняемый Фроман Х.М. незаконно содержался под стражей. При таких обстоятельствах, в силу п. «д» ст. 3 Закона РФ от 18.10.1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» Фроман Х.М. подлежит реабилитации, поскольку он необоснованно привлечен к уголовной ответственности, и дело в отношении него прекращено на следствии по нереабилитирующим основаниям»⁵⁷.*

Хель Менделевич Фроман реабилитирован.

⁵⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4325. Л. 44-46.

**Слуга Божий
о. Франциск Бударис (1882–1937)**

*(По материалам программы Епископской
конференции Российской Федерации
«Католические новомученики России»)*

Франциск Бударис родился 14 октября 1882 г. в селе Ропейки Бернатовской волости Россиенского уезда Ковенской губернии, в крестьянской семье Франциска Бударевича и Домитиллы, урожденной Шлягер. Крещен был 3 дня спустя настоятелем местного Мешкуцкого прихода о. Викентием Шлягером. Крестным

отцом был сам о. Шлягер, а крестной матерью — вдова Барбара Раубицкая. О детских и юношеских годах Франциска никаких сведений не сохранилось. Нет документов о его учебе до момента поступления в семинарию. Вероятно, получить необходимые знания ему помогли родственники, может быть, крестный.

В декабре 1902 г., в возрасте 20 лет, Франциск удовлетворительно сдал экзамен на звание аптекарского ученика. Экзамен был по русскому, немецкому и латинскому языкам, а также по географии, истории и математике, что было равноценно окончанию 4 класса прогимназии и давало право поступить в аптекарское училище, а также в духовную семинарию

(на этом свидетельстве фамилия впервые была записана в форме «Будрис»).

3 июля 1903 г. Франциск получил от ковенского губернатора свидетельство о благонадежности, которое требовалось для поступления в духовную семинарию. Из этого свидетельства следует, что до этого момента он не покидал родные места и ни в чем предосудительном замечен не был. Франциск представил свое свидетельство о крещении в петербургскую Духовную семинарию 3 августа 1903 г. Неизвестно, как Франциск учился, но окончание семинарии в положенное время говорит о том, что вполне удовлетворительно. Рукоположен в священники был весной 1907 г.: в распоряжении управляющего архиепархией прелата С. Денисевича о. Будрис назван «новорукоположенным». Семинарию он окончил, очевидно, в мае или первой половине июня 1907 г., так как 19 июня из консистории был отправлен запрос в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел о согласии на назначение его викарием в Иркутский приход, что означало направление молодого священника в очень отдаленный (более 5000 км от столицы), трудный сибирский приход. После рукоположения о. Франциск отправился в родные места (на хутор Резголье Россиенского уезда Ковенской губ.), чтобы навестить родственников. 27 июля 1907 г. о. Будрис был назначен викарием прихода в Иркутске.

Молодой священник, получив назначение, не имел денег на такую далекую поездку. Поэтому он попросил управляющего епархией прелата С. Денисевича в виде исключения выслать деньги на покупку билета на поезд ему на руки. Однако Департамент духовных

дел иностранных исповеданий послал деньги в размере 100 руб. к месту назначения, в Иркутск, о чем священника 22 августа известила, по распоряжению прелата Денисевича, митрополитальная канцелярия. В Иркутск викарий прибыл 16 сентября 1907 г. О. Франциск оставался в этом городе до 1909 г., когда 31 января распоряжением архиепископа А. Внуковского был переведен самостоятельным пастырем в Тюмень, город, находящийся в центре Сибири, где до тех пор не было отдельного прихода. Поэтому о. Будрис должен был принимать храм с имуществом от приходских синдиков. 27 февраля 1908 г. архиепископ А. Внуковский также назначил о. Франциска преподавателем Закона Божия в Александровском реальном училище в Тюмени, что означало следующее: в этой школе учились дети католиков, и власти допустили, чтобы католический священник обучал их там религии.

Чтобы немедленно выехать, о. Франциск вынужден был одолжить деньги на дорогу, в надежде на возвращение их консисторией, в чем ему было отказано. После приезда в Тюмень о. Франциск сразу приступил к переучету церковного имущества, и 5 апреля он отправил в Духовную Консисторию инвентарную опись Тюменского храма. В Тюмени прихожанами о. Будриса были в основном поляки — бывшие сосланные (сосланные после польского восстания 1863 г.) и их потомки — дети и внуки.

Чтобы о. Будрис преподавал закон Божий тюменским учащимся-католикам в государственных школах, управляющий архиепархией епископ С. Денисевич должен был получить согласие на это от государственной власти, т. е., в данном случае, западносибирского

попечителя учебного округа, что было делом нелегким и часто затягивалось. 10 июля 1909 г. епископ Денисевич распорядился, чтобы о. Будрис преподавал религию в реальном училище, информируя, что преподавание в женской гимназии и 4-классном городском училище еще должно быть согласовано. О решении этих вопросов о. Франциск был уведомлен 5 декабря 1909 г. В городском училище закон Божий должен был преподаваться безвозмездно.

О. Франциск старался объединить прихожан в разных молитвенных кружках. 12 октября 1909 г. о. Франциск обратился к вспомогательному епископу с просьбой о разрешении принимать членов в Братство Розария и в группу Живого Розария. На письме нет никаких помет ни о разрешении, ни об отказе в этой просьбе, однако 2 октября 1910 г. он снова, обращаясь уже к митрополиту В. Ключинскому, просил разрешения записывать желающих в Братство св. Розария. Вероятно, в этот раз он получил разрешение, так как на письме есть помета: «Отвечено 10.X.1910 г.».

После трех лет службы в Сибири о. Франциск в 1910 г. попросил об полуторамесячном отпуске в родные края, в с. Стульги Россиенского уезда Ковенской губернии, чтобы повидаться со стариком отцом и другими родственниками. Разрешение было дано митрополитом В. Ключинским на период с 11 июля по 25 августа. Однако ввиду каких-то семейных обстоятельств 24 августа о. Франциск телеграммой, высланной из поселка Немокшты, просил о продлении отпуска на 10 дней.

Тюменский приход был бедным, весь полученный сбор расходовался на содержание храма, капеллану

оставалась ничтожная сумма на жизнь, прихожане не давали пожертвований на святые Мессы. Поэтому 25 февраля 1911 г. о. Франциск просил консисторию о денежной помощи. Консистория Могилевской архиепархии рассматривала это прошение в течение почти 10 месяцев и наконец постановила выделить о. Франциску пособие в размере 25 рублей ежемесячно.

О втором отпуске о. Будрис просил только через три года после первого. Вероятно, отсутствие денег и необходимость получения разрешения через Министерство внутренних дел, при невозможности найти священника на замену, не способствовали ежегодным поездкам на столь отдаленную родину. И в этот раз он на полтора месяца собирался к отцу и другим родственникам, в Ковенскую и Курляндскую губернии. О. Франциск сообщал митрополиту Ключинскому, что церковь не будет оставлена без попечения, так как каждое второе воскресенье и по вызову будет приезжать (за 300 км) настоятель из Екатеринбургa, о. И. Вилкас. Разрешение на отпуск с 15 июля по 1 сентября было получено. Это был последний отпуск в жизни о. Будриса.

За годы войны сохранился только один документ, отражающий деятельность о. Будриса и относящийся к 1916 г., — телеграмма представителя польского Центрального гражданского комитета Антоновича епископу И. Цепляку. Антонович жаловался на «неуместное влияние» о. Будриса на поляков-беженцев и для подробного разъяснения направлял к епископу уполномоченного от Комитета. Жалобы такого рода польский комитет неоднократно составлял на священников, которые желали оставаться пастырями всех католиков, невзирая на национальность, а не служить только планам этого Комитета.

В конце 1916 — начале 1917 г. на Урале резко ухудшилось экономическое и политическое положение. Нарушились связи с центром, обострилась продовольственная проблема.

После революции в 1917 г., когда мировая война еще не была закончена, некоторые территории российского государства были заняты войсками европейских государств. Войска большевиков поначалу контролировали только часть территории государства. Некоторые народы, угнетавшиеся в царской России, готовились бороться за свою независимость (в том числе башкиры, населяющие территорию Предуралья, где позже работал о. Будрис).

На Урале раньше, чем в других регионах страны, большевики начали проводить политику военного коммунизма, что привело к голоду и государственному распределению продуктов. Духовенство было поставлено в ситуацию лишенцев, то есть людей без прав.

Политика большевиков вызвала возмущение населения, развернулась гражданская война также и на Урале, куда пришли части Белой армии, поддерживавшей свергнутое большевиками Временное правительство и союзников (Антанту) и под руководством адмирала А.В. Колчака ведшей ожесточенные бои с большевистской Красной Армией.

Прихожанами о. Будриса были в основном жившие на Урале поляки, немцы, литовцы, а также работавшие на уральских предприятиях иностранные специалисты (инженеры, управляющие) — французы, итальянцы и др. и их семьи. После начала Первой мировой войны здесь оказались десятки тысяч военнопленных австро-венгерской армии, в основном католиков, и беженцев из Польши, Украины, Белоруссии.

После же большевистской революции в 1917 г. и приобретения Польшей независимости в 1918 г. не только большинство беженцев, но и местных поляков, особенно более богатых и интеллигенции, не видели возможности жить при новой власти. После заключения в 1921 г. Рижского мирного договора, остановившего войну между Польшей и большевистской Россией, поляки уезжали в Польшу. Военнопленные поляки, чехи и словаки на Урале и в Сибири организовали военные формирования и сражались против большевиков. Многие погибли, другие попали в плен к большевикам.

Оставшиеся в Сибири немногочисленные католические священники не знали, какой юрисдикции принадлежат, так как в 1921 г. был создан апостольский викариат Сибири, впоследствии практически распавшийся. Неизвестной для них была также ситуация в Петрограде, где в 1919 г. был арестован архиепископ Ропп.

О. Будрис был вынужден оставить Тюмень, вероятно, потому, что она была занята большевиками. Иркутский декан о. Ю. Гронский посоветовал ему переехать в Пермь, занятую армией белых, где с 22 февраля 1919 г. о. Будрис стал настоятелем и деканом, имея лишь назначение от омского декана о. Х. Пржемоцкого. О. Будрис даже не знал, какие приходы относятся к пермскому деканату. Не было возможности приобрести вино для св. Мессы, католическую литературу, новый литургический календарь.

Приехав в Пермь, о. Будрис еще застал в городе больше тысячи прихожан, которые были в состоянии содержать священника, на свои пожертвования заботились о храме. Когда власть в Перми 1 июля

1919 г. окончательно перешла к большевикам, они национализировали церковные дома, и с настоятеля потребовали платы за квартиру. Более обеспеченные прихожане уезжали на родину. Оставались бедные, которые не были в состоянии содержать священника. К тому же все стало дорого, наступил голод. Несмотря на трудности, о. Франциск старался обслуживать католиков в Вятке (426 км от Перми), в Екатеринбурге (312 км от Перми), Тюмени (еще 300 км от Екатеринбурга), Тагиле (132 км от Екатеринбурга), а также в окружающих деревнях и поселках. Доехать было трудно по причине высокой стоимости билетов, дороги были плохими, а главное, требовались пропуска.

О. Будрис не знал, кто управляет епархией после выдворения митрополита Э. Роппа. Ему ничего не было известно ни о судьбе епископа Цепляка, ни о судьбах петроградских священников. Поэтому о. Будрис обратился к знакомому священнику в Петрограде и описал свою ситуацию, с надеждой на получение ответа. 13 февраля 1920 г. о. Будрису ответил епископ Цепляк.

О. Будрис даже в условиях революционной и военной неразберихи, разрухи и голода самоотверженно исполнял свои обязанности. Он просил разрешения на введение торжественных богослужений с выставлением Пресвятых Даров, в умилоствление Бога за обиды, наносимые Святейшему Имени. Сильно удручала его невозможность достать вино для Месс или найти из чего его приготовить. Хотя не хватало денег, о. Будрис старался найти органиста, чтобы службы были более торжественными, особенно во время праздников.

Вокруг царили голод и разруха, но о. Будрис старался аккуратно возместить все расходы на книги

и образки, которые просил прислать ему, отказывался от вознаграждения за рассылку по деканату присланных из курии материалов. Так как в Петрограде было еще труднее, по поручению курии он собирал в деканате пожертвования сухарями и деньгами на нужды руководства архиепархии.

8 июня 1920 г. епископ Цепляк назначил о. Будриса Пермским деканом, а также временно, вплоть до прибытия настоятеля, поручил обслуживать католиков Екатеринбургской губернии. С этого времени о. Будрис должен был заботиться, чтобы священники деканата посещали все приходы, но священников на огромной территории по обеим сторонам Урала осталось очень мало. О. Будрис постоянно думал о том, как организовать пастырское обслуживание приходов, делился своими соображениями с архиепископом Цепляком, предлагал наилучшие, с его точки зрения, способы решения возникавших проблем. О. Будрис организовал ежемесячную материальную помощь курии. Он заботился о священниках-литовцах, оказавшихся в тюрьме в г. Тагиле, которых большевики арестовали и намеревались использовать в качестве заложников в переговорах с литовским правительством.

О. Будрис старался, чтобы его прихожане не жили в грехе, без венчания. В обстоятельствах революции, гражданской войны, большевистской пропаганды нравственность подвергалась многочисленным искушениям. Увеличилось количество межконфессиональных и гражданских браков. Многие католики не могли заключить церковный брак по причине отсутствия священников, атеистической пропаганды, а также в силу таких канонических препятствий, как разница религий или браки с атеистами.

В связи с увеличением количества смешанных браков и переходами в католичество о. Франциск просил прислать ему катехизисы и религиозные книги на русском языке. Раньше такой необходимости не было, потому что католики пользовались церковными книгами на родных языках, а в настоящее время эти языки уже стали незнакомыми, и надо было готовить к Таинствам по-русски. О. Будрис заботился не только о традиционно исповедовавших в России католическую веру поляках, литовцах, немцах, но также и о русских, которые приходили в Католическую Церковь.

В 1921 г. католические приходы Урала обезлюдели, в каждом оставалось по несколько десятков верных прихожан, которые не могли содержать священников. Не было также священников. Одни уехали по причине преследований, другие были арестованы, третьи, не видя смысла своего пребывания в России, выехали вместе с репатрированными прихожанами.

О. Будрис, видя, что католики, хотя и разрозненные, остались, решил остаться и служить им. Однако, так как с 1913 г. он не был на родине, то попросил епископа об отпуске, чтобы навестить старика отца, а кроме этого, ему необходимо было восстановить свое здоровье, подорванное недостаточным питанием и нехваткой одежды (вследствие того, что он простужался, ездя зимой по приходу, у него развился ревматизм). О. Будрис был вынужден, как и другие, спасаться от голода, выменивая продукты за свою одежду и обувь. У него не осталось даже шубы, чтобы зимой, в морозы, совершать пастырские поездки в другие города.

14 июля 1921 г. архиепископ Цепляк назначил о. Будриса, кроме Пермского, заведовать Вятским приходом, т. е. периодически посещать его. Однако

у о. Франциска не было денег на такие дальние поездки (432 км) и не было зимней одежды, поэтому он снова просил об отпуске на родину, чтобы приобрести одежду. В то же время о. Будрис интересовался в курии, не содержит ли мирный договор, заключенный в марте 1921 г. между Советской Россией, Украиной и Польшей, каких-либо пунктов, относящихся к Церкви и церковному имуществу. Архиепископ Цепляк не разрешил о. Будрису выехать в отпуск, потому что в архиепархии остро не хватало священников, а выехавший за границу священник, несомненно, уже не мог бы вернуться в Советскую Россию.

О. Франциск согласился с этим решением. Он отказался от отпуска «до лучших времен», нашел возможность съездить в Вятку и, кроме того, предложил архиепископу Цепляку назначить его заведовать еще и Екатеринбургским приходом, только просил найти какой-либо способ помочь ему оплачивать проезд, так как оставшиеся прихожане уже не могли набрать нужную сумму на билет. Помета на письме свидетельствует, что архиепископ распорядился позаботиться об исполнении его просьбы, но до о. Будриса ответ и средства не дошли, так как через некоторое время он снова обратился в курию с просьбой о денежной помощи на оплату проезда и о присылке пожертвований на Мессы. Он просил также прислать хотя бы одну бутылку вина, которого по-прежнему было совершенно негде достать, и какой-нибудь религиозный журнал, потому что не знал ничего о том, что происходит в католическом мире.

18 октября 1921 г., согласно предложению самого о. Франциска, архиепископ Цепляк назначил его, кроме должностей в Перми и в Вятке, заведовать Ека-

теринбургским приходом. Такие назначения ему были необходимы как командировочные удостоверения. С тех пор о. Франциск постоянно находился в пути между тремя приходами, проводя в каждом по одной-две недели, а по большим праздникам старался успеть побывать во всех приходах, чтобы не обижать прихожан ни одного из них. О. Будрис нигде не имел постоянного жилья, ночевал в комнатах, которые находились в зданиях храмов, обедал у прихожан. Он должен был сам прибираться в храмах и даже звонить, созывая на Мессу, потому что у него нигде не было помощников — ни ризничего, ни органиста.

В начале декабря 1921 г. о. Будрис получил известие об отъезде на родину священника из Челябинска, о. Пашкевича. В этом городе оставалось довольно много прихожан, поэтому они были в состоянии содержать священника. Поэтому 13 декабря 1921 г. о. Будрис попросил архиепископа Цепляка назначить его в Челябинск и Екатеринбург (расстояние между которыми составляет 212 км), а в Пермь и Вятку, которые находятся ближе друг к другу, но далеко от Екатеринбурга, предлагал назначить другого священника. Управлять тремя приходами ему было, как он деликатно выразился, «немножко трудновато». Приход в Челябинске в то время был самым большим на Урале по числу оставшихся прихожан. Там проживали не только поляки и литовцы, но и немцы-колонисты. Кроме того, много католиков жило и в Западной Сибири, где не было священника: в Кургане, Златоусте, Троицке, Кустанае (расположенных соответственно в 243, 120, 117 и 264 км от Челябинска). Прихожане из челябинского прихода вызвали о. Будрису для отпевания умерших уже через неделю после отъезда

о. Пашкевича. 18 декабря 1921 г. о. Будрис снова направил письмо в курию, в котором предлагал назначить в Челябинск уже не одного, а двух священников, один из которых знал бы немецкий язык и мог бы служить немцам. О. Франциск, понимая, как много сил у священника отнимают постоянные поездки, предлагал, чтобы один священник оставался в Челябинске, а второй объезжал другие местности, а потом они сменялись, давая друг другу отдохнуть. Понимая нужды католиков, он, не дожидаясь ответа, добровольно включил Челябинск в схему своих разъездов.

По причине задержек доставки почты предложение о. Будриса пришло в курию уже после того, как архиепископ Цепляк распорядился иначе: в декабре 1921 г. он освободил о. Будриса от заведования приходом в Вятке, но назначил заведовать Тюменским приходом. Епископ повелел, чтобы о. Будрис распорядился об избрании приходского комитета в каждом из приходов, с тем чтобы комитет заботился о сохранении храма и церковного имущества. Возможно, что о. Франциск этих распоряжений не получил, и поэтому 4 января 1922 г. он телеграммой запрашивал, кто назначен в Челябинск. 18 января 1922 г. вице-канцлер курии о. Д. Иванов дополнительно проинформировал о. Франциска, что он назначен в Тюмень, а Челябинск и Вятку по совместительству должны были обслуживать другие священники. 8 февраля 1922 г. архиепископ Цепляк выдал удостоверение о. Франциску о том, что тот является деканом, настоятелем пермского храма и заведующим екатеринбургским и тюменским храмами.

29 апреля 1922 г. большевики провели в Екатеринбурге акцию по изъятию ценностей католического

храма под общим для всей страны предлогом помощи голодающим Поволжья. О. Будрису удалось спасти серебряный крест (золотых вещей в храме не оказалось), но всю остальную церковную утварь большевики описали.

Так как недавно назначенный челябинский настоятель о. Л. Тучко вскоре заболел, о. Будрис снова «временно» должен был обслуживать этот приход, включая немецкие колонии, в которых по-прежнему не было священника, знающего немецкий язык, и «близлежащие» Курган и Златоуст. Вскоре в Челябинск, Курган и Златоуст был назначен о. И. Сенвайтис, а о. Будрису последовало распоряжение заведовать, кроме прежних прочих, тобольским храмом.

О. Будрис, утомленный постоянной работой, еще раз попробовал просить об отпуске хотя бы летом будущего 1923 г. Архиепископ Цепляк разрешил о. Франциску выехать, однако только после возвращения священников в оставленные приходы. Однако никто не вернулся, а оставшиеся священники оказывались в тюрьмах и впоследствии должны были покинуть Советскую Россию.

Во время голода в Екатеринбурге было открыто отделение Французского Красного Креста, представители которого помогали также местным католикам, поэтому о. Будрис просил, чтобы архиепископ написал французам благодарность.

Весной 1923 г. о. Будрис в очередной раз попросил об отпуске на родину, чтобы навестить своего старого и больного отца, — уже обращаясь не к архиепископу, который находился в тюрьме, а к администратору архиепархии о. С. Пржерембелю. Однако его письмо попало в курию только в марте 1924 г., а еще в июне

1923 г. о. Будрис получил распоряжение снова заводить, кроме прежних, вятским храмом.

В последнем сохранившемся письме от 6 июня 1924 г. о. Будрис отказался от возможности выехать в отпуск на родину, опасаясь запрета вернуться обратно в СССР. Он предпочел остаться с теми, ради кого служил, и исполнять обязанности настоятеля и декана.

После разгрома Католической Церкви в Советской России большевистские власти изъяли архив Могилевской архиепархиальной курии, поэтому он сохранился в государственном архиве.

В апреле 1925 г. о. Франциск был арестован в Екатеринбурге как заложник. Власти старались использовать его по делу об убийстве польской жандармерией агентов ГПУ, которые выезжали по обмену в СССР, А. Вечоркевича и В. Багинского. О. Будрис был через месяц освобожден.

Мученичество

Мало сохранилось свидетельств о последних 13 годах жизни о. Будриса. Он остался служить в стране, где большевики преследовали верующих любого исповедания. За теми, кто посещал католические храмы, следили, священников и активных прихожан под разными выдуманными предлогами арестовывали, судили, заключали в тюрьмы и лагеря, ссылали в отдаленные районы страны. Постепенно прихожане переставали посещать храмы, боясь репрессий. Велась массированная антирелигиозная пропаганда, направленная прежде всего на воспитание детей-атеистов, на разрушение института семьи и брака.

Когда о. Франциск был молодым священником, ему было трудно жить в далеких от родины местах.

Он желал посетить родных, получить помощь от близких. Однако ему это не было дано по причине войны, революции и возникновения границы между СССР и Литвой. Решение о. Франциска остаться в СССР, когда других католических священников уже почти не оставалось, было готовностью к мученической смерти. Письма Слуги Божьего 1920—1924 гг. позволяют судить о том, как ему было трудно. Однако он не отказался от служения, не старался выехать на родину, не согласился на сотрудничество с безбожной властью. Его мученичество в 1937 г. является протым последствием его решения.

О. Франциск продолжал ездить между приходами, стараясь охватить прихожан пастырской опекой — крестить, венчать, исповедовать, учить детей катехизису. Но, понимая создавшееся положение, он не хотел подвергать прихожан излишнему риску. Поэтому некоторые обряды проводились не в храме, а на квартирах. В Екатеринбурге до 1924 г. это была квартира настоятеля с домашней часовней на ул. Гоголя, 9, где проводились обряды крещения и венчания.

После 1924 г. о. Франциск обслуживал католические общины Тобольска, Тюмени, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Златоуста, Кургана, Уфы, Самары, Казани и Вятки. Хотя большевики привели к закрытию к 1930 г. храмов в Тобольске и Тюмени, Кургане и Ишиме, о. Будрис продолжал посещать живших там католиков, служа на квартирах. В 1934—1937 гг. он был практически единственным священником, обслуживавшим католиков на огромной территории между Волгой и Обью.

Сам о. Будрис был не в состоянии подготовить к таинствам людей во многих городах, поэтому он ста-

рался при помощи наиболее надежных прихожан организовать катехизацию под видом дружеских встреч в квартирах и «пикников» за городом, куда выезжали взрослые и дети.

Несмотря на трудную, полную опасностей жизнь, о. Будрис держался бодро. Для тех, кто боялся ходить в храм в 1920-е гг., совершал обряды в своей квартире.

О. Будрис, как всегда, стремился поддерживать веру в душах прихожан, серьезно относился к вопросам морали и говорил об этом в проповедях. Он не боялся призывать родителей беречь своих детей от вступления в коммунистические организации (комсомол, пионеры). В личных беседах с прихожанами он высказывал мнение, что Советская власть долго существовать не может, потому что у власти стоят неграмотные люди.

В 1937–1938 гг. сталинский аппарат разрабатывал систему репрессий («национальных» дел) против представителей национальных меньшинств (поляков, немцев, эстонцев, литовцев и т. д.), обвиняемых в создании тайных организаций, задачей которых являлся шпионаж в пользу других государств, в организации саботажа и диверсий, в предательстве Родины и т. д. Первым было осуществлено «польское дело», так как Польша была врагом № 1 на западных границах. О. Будрис был арестован в рамках этого дела, которое было сфабриковано с целью разгромить католиков в Советской России.

В связи с этим планом О. Будрис был «назначен» «резидентом» шпионской сети Польской организации войсковой (ПОВ) в Предуралье и арестован в Уфе вместе с членами приходского совета 17 июня 1937 г.

Он лично обвинялся в том, что «по заданию французского разведчика епископа Невё занимался шпионажем в пользу французской разведки и Ватикана» и организовал повстанческую деятельность против Советской власти под видом религиозной работы, используя религиозный фанатизм прихожан. Богослужения были названы встречей повстанческой группы. Руководителем выдуманного чекистами отделения ПОВ в Уфе был якобы католический священник о. М. Йодокас, а после его отъезда организацию возглавил о. Будрис. Чтобы показать широкомасштабность «шпионской организации», которой руководил о. Будрис, чекисты арестовывали прихожан, прежде всего членов приходских комитетов Тобольска, Тюмени, Ишима, Омска, Свердловска (быв. Екатеринбург), Перми, Кирова (быв. Вятки), Челябинска, Уфы и др. городов.

По воспоминаниям А.Я. Янсона, уфимского прихожанина, арестованного годом раньше и сидевшего в одной камере с о. Будрисом, о. Франциска сильно били на допросах, требуя признания в том, что он шпион, и даже держали на снегу, так что он отморозил ноги и получил воспаление легких. Однако каждый раз, возвращаясь в камеру, о. Будрис постоянно молился, всячески поддерживал сокамерников, повторяя: «Бог нас не оставит...».

В то время приговоры выносили не суды, а специальные «тройки», то есть группы трех чекистов, задачей которых было вынести, как правило, смертный приговор. Постановлением такой тройки от 11 ноября 1937 г. о. Будрис был приговорен к расстрелу. Его расстреляли 16 декабря 1937 г. в тюрьме г. Уфы. Вместе с о. Франциском в это время погибли еще 189 прихожан из разных городов. Захоронение расстре-

КОПИЯ

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №05
Комиссии НКВД и Прокурора СССР
от 11 ноября 1937 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

БУДРИС Франциско Францисковича,
1882 г. р., ур. Росиенского уезда
Ковенской губернии, Литва

РАССТРЕЛЯТЬ

Приговор приведен в исполнение 16 декабря 1937 г.

Копия верна.

Сотрудник УФСБ РФ по РБ

Ф. Ш. ЯХШЕГУЛОВА

ленных в Уфе в то время осуществлялось на Сергиевском кладбище города, но точное местонахождение могил расстрелянных не фиксировалось.

После смерти Сталина в 1953 г. и разоблачения культа его личности дела осужденных в эпоху сталинизма людей стали постепенно пересматриваться. Несправедливые приговоры отменялись. Определени-

КОПИЯ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

в составе: председательствующего полковника юстиции ГУНДОРОВА, членов: подполковника юстиции САЕНКО, подполковника юстиции ПРОХОРОВА, рассмотрев в заседании от 14 января 1958 года протест в порядке надзора заместителя Главного военного прокурора на постановление комиссии НКВД и прокурора СССР от 11 ноября 1937 года, на основании которого подвергнуты ВМН-расстрелу:

БУДРИС Франциско Францисович, 1882 года рождения, уроженец Литвы, настоятель католического костела в г.Уфе, арестован 17 июня 1937 года

О П Р Е Д Е Л И Л:

Постановление комиссии НКВД и Прокурора СССР от 11 ноября 1937 года в отношении БУДРИС Франциско Францисовича

отменить и дело производством прекратить в силу п.5ст.4 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления.

П/П

Копия верна.

Сотрудник УФСБ РФ по

Ф. Ш. ЯХШЕТУЛОВА

ем Военного трибунала Южно-Уральского военного округа от 14 января 1958 г. решение тройки НКВД БАСССР от 11 декабря 1937 г. в отношении о. Ф. Будриса было отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, то есть он был признан полностью невиновным в том, что ему ранее инкриминировалось.

о.Франциск Будрис

Слава мученичества

К моменту смерти о. Будриса многие католики выехали из России или из-за репрессий и закрытия храмов отошли от активной церковной жизни, а те, кто был готов нести страдания, были расстреляны. Приходы были уничтожены. Но хотя в местах служения о. Будриса католические приходы возродились только после перестройки, он не был забыт. Память о нем сохранили прежде всего немногие дожившие до наших дней католики тех приходов, которые он обслуживал.

Когда Католическая Церковь в России стала возрождаться, восстанавливались приходы также в ме-

стах прежнего служения о. Ф. Будриса. В статьях, посвященных возрождению и истории католических приходов в Екатеринбурге, Перми, Вятке, опубликованных в печати или помещенных на интернет-сайтах, упоминается личность о. Ф. Будриса. Краткие биографии о. Будриса содержатся в таких изданиях, как «Книга памяти» и «Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917-1939: Martyrologium» Р. Дзвонковского. Уфимские католики предложили о. Ф. Будриса как кандидата для беатификации.

Когда 9 августа 1998 г. был заново освящен отреставрированный после возвращения приходу храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Перми, предстоятельствовавший на св. Мессе архиепископ Тадеуш Кондрусевич, в то время Апостольский администратор Европейской части России, служил в том орнаменте, который принадлежал когда-то храму, затем был изъят и хранился в местном краеведческом музее, а накануне праздника был возвращен приходу. Для верующих это стало символом связи времен и напоминанием о последнем настоятеле.

Вишневецкие

**(По материалам Вишневецкого Е. П.
и Москалькова В. Л.)**

Павел Михайлович Вишневецкий родился в 1904 г. в семье статского советника, известного в Перми юриста Михаила Павловича Вишневецкого (1848–1930), служившего в окружном суде Министерства юстиции. В детстве Павел, имея склонность к изучению точных наук и проявляя интерес к технике, поступил в Пермское Алексеевское реальное училище, где особенно преуспел в изучении физики, электротехники, химии, черчения и рисования. В советские годы Павел Михайлович

*Вишневецкий
Павел Михайлович
(1904–1937).
Фото 1920 г.*

работал в системе «Пермэнергосбыта» контролером-электромонтером. В свободное время он с приятелями, членами Пермского речного яхт-клуба, строил у себя во дворе парусные лодки, на которых во время отпусков они отправлялись в плаванье по Каме и Волге, доплывая до Чистополя и Казани. В 1925 г. Павел Вишневецкий женится на Алевтине Смородской (Вишневецкой, 1899–1938), работавшей в то время машинисткой в областной газете «Звезда». В 1926 г. у них родился первенец, которого назвали в честь

деда Михаилом, а в 1927 г. появился на свет второй сын, Евгений. Недалеко от дома по ул. Пушкина, 21, где жила семья Вишневецких, находился католический храм Непорочного Зачатия Девы Марии, прихожанами которого были в основном поляки, литовцы, латыши и белорусы.

Соседи знали Павла как хорошего семьянина, общительного и отзывчивого человека, грамотного и добросовестного работника, поэтому нередко обращались к нему с просьбами починить электропроводку, наладить водопровод. Узнав, что рядом живет такой человек с «золотыми руками», к нему обратился за помощью священник католического прихода Франциск Будрис, который попросил Павла провести уличное освещение у входа в костел, заменить старую электропроводку внутри храма, а также проложить водопроводные трубы в хозяйственном помещении. Отзывчивый Павел откликнулся на просьбу священника. Такое знакомство никому никогда не казалось преступным, наоборот, открывало путь к общению, взаимопомощи. Но вскоре оно прервалось — местные власти, следуя атеистической пропаганде и прямым указаниям сталинского руководства, закрыли храм, а позже Будрис переехал из Перми в Уфу, чтобы сменить там репрессированного священника. О былом знакомстве остались лишь воспоминания... Приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)», утвержденный Политбюро в августе 1937 года, заставил «пересмотреть» деятельность ксендза Франциска. Теперь он, по мнению следователей НКВД, являлся «агентом польской и французской разведок» и под прикрытием «римско-католической общины» в Перми

«создал националистическую шпионско-диверсионную организацию» и «по заданию французского разведчика епископа Невё занимался шпионажем в пользу французской разведки и “Ватикана”».

Монсеньор Пий Эжен Невё (1877–1946) – монах-ассумпционист, первый Апостольский администратор Москвы, католический епископ, занимался пастырско-миссионерской деятельностью в России с 1906 по 1936 г. Был настоятелем католического храма Св. Людовика в Москве. Его паствой были католики разных национальностей. Он оказывал материальную помощь католическим священникам и мирянам, а также католикам, находившимся в заключении. Деятельность епископа Невё в СССР проходила под жестким надзором со стороны органов НКВД, которые собирали на него компрометирующие материалы.

«Под видом религиозной работы ксёндз Будрис, используя “религиозный фанатизм прихожан”, организовывал катехизацию в виде дружеских встреч, которые проводил на частных квартирах и устраиваемых пикниках за городом, куда выезжали как взрослые, так и дети». По мнению следователей НКВД, задачами организации являлись объединение польского населения, воспитание его в духе фашизма для борьбы против советской власти, а также «шпионаж и ведение диверсионно-разрушительной работы на военных заводах, направленной на ослабление оборонной мощи СССР». Как видно из следственного дела, среди арестованных было много мелких служащих, малограмотных рабочих, много пенсионеров... Обычно

брали людей с фамилиями, которые оканчивались на «-ский», «-цкий» или были созвучны польским. Например, арестовывали человека и на допросе следователь спрашивал: «Кого из поляков вы еще знаете?». Допрашиваемый называл знакомых с «польской» фамилией, и тех арестовывали, далее шли по цепочке... Так дошли и до Павла Вишневецкого, а потом и до его жены Алевтины. Люди, арестованные органами НКВД в 1937 г. по так называемому «польскому делу», были объединены в одно следственное дело. Так было легче вести следствие и так удобнее было выносить приговоры. Объединение поляков в «контрреволюционную группировку» позволяло следователям НКВД привести стройные, как им казалось, доказательства борьбы против Советской власти, тем самым обосновать вину перед Советами и потребовать для «виновных»

*На фото 1936 г. семья Вишневецких:
Алевтина Николаевна, Екатерина Дмитриевна,
Павел Михайлович, Миша и Женя.*

высшей меры наказания. Многие были расстреляны, в том числе и «главарь преступной банды предателей и шпионов» о. Франциск Будрис. Любое знакомство с ним, пусть даже давнее, рассматривалось следователями как доказательство причастности к шпионской деятельности. И вот русский по национальности с «польской» фамилией Вишневецкий, сосед и бывший знакомый ксендза Будриса, благодаря творческому полёту фантазии следователей из НКВД, как и прихожане о. Будриса, в основном поляки-католики, был включен следователями в черный список польской шпионской организации.

Арестован Павел Михайлович был 26 сентября 1937 г. на работе. По свидетельству Москальковой Софьи Николаевны, которая работала делопроизводителем в этой же организации, незадолго перед обедом к ним в помещение, где они работали, зашли два человека в полувоенной форме и, не здороваясь, направились в кабинет начальника участка. Сотрудники, сидевшие за столами в комнате, в буквальном смысле оцепенели от страха, прекрасно понимая, что это за люди и с какими намерениями они пришли к ним в контору. Через некоторое время в кабинет попросили зайти Павла. Выйдя оттуда после короткого разговора за закрытыми дверями совершенно бледным и расстроенным, в подавленном состоянии, надевая пальто, он сказал сослуживцам: «Это просто какое-то недоразумение!» и вышел в сопровождении сотрудников НКВД. После ареста Павла случившееся событие на работе не обсуждалось.

Все молча сидели, уткнувшись в свои бумаги, делая вид, что ничего особенного не произошло и это их не касается. Но чувствовались в лицах людей на-

Контора Пермэнергосбыта. За столом слева контролер-электромонтер Павел Михайлович Вишневецкий. Фото 1936 г.

стороженность и скрытый страх. После ареста Павла поместили в тюрьму НКВД № 1, которая находилась в нескольких кварталах от дома, где жили Вишневецкие. Хороший знакомый матери Павла, служивший бухгалтером в тюрьме, сообщил ей, что дела ее сына очень плохи, он объявил голодовку, и его принудительно кормят «через прямую кишку». По прошествии многих лет этот факт подтвердился документально. Среди нескольких томов объединенного следственного дела «по полякам» нашлось заявление прокурору, написанное собственноручно Вишневецким Павлом Михайловичем: «Прокурору, наблюдающему за Пермской тюрьмой № 1 арестованного П.М. Вишневецкого, пребывающего в тюремной больнице Заявление. 1 октября 1937 г. мною было подано заявление следователю городского НКВД о смертельной

голодовке с этого числа. Причиной этого будет то, что протокол допроса, где как бы я признал себя виновным и подписал его, но я в этом совершенно не виновен и никогда никакой контрреволюцией и шпионажем не занимался. Я не давал таких ответов, и всё это было написано до меня. Весь допрос заключался в том, чтобы я все это подписал. Из-за своего слабого характера, доверчивости и не бывавши в таких условиях никогда в жизни, испуг и страх, всевозможные запугивания, как то: мою жену выгонят со службы и всю семью из квартиры, неверие в мои чистосердечные, правдивые слова, что я ко всему этому непричастен и не допускал никогда в мыслях, что можно так не верить человеку в его правдивость. Я не мог больше ничего говорить, я потерял рассудок и подписал всю эту ложь, оклеветавшую меня и моих сослуживцев. Прошу Вас, гражданин прокурор, снять с меня допрос, а тот ликвидировать, тогда лишь я сниму с себя смертельную голодовку. В противном случае я лучше помру честной смертью, чем позорить себя и семью врагом народа. Твердо веря в Сталинскую Конституцию и 20-ю годовщину Октябрьской революции, которая меня не даст в обиду и вернет мне прежнее положение, наравне со всеми трудящимися народов нашего Союза буду встречать её на свободе и со своей любимой семьёй, для которой я нужен. Подпись: Вишневецкий». Это заявление — последний крик души доведенного до полного отчаяния человека — осталось безответным. Сколько подобных заявлений приходилось читать прокурору каждый день, для которого такая работа была повседневной рутинной! Убийственный механизм системы был уже запущен, и остановка его была невозможна. Через месяц

после ареста, 12 октября 1937 г., Павел Михайлович Вишневецкий был приговорен наркомом внутренних дел и прокурором СССР по первой категории — к высшей мере наказания, к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ночь на 23 октября 1937 г. в Свердловске. Всего по «делу Будриса» было расстреляно 39 человек, двоих приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Судьба тех, кому «повезло» получить 10 лет, неизвестна до сих пор. После ареста мужа Алевтина Николаевна была уволена из редакции газеты «Звезда». Она стала ходить в городское управление НКВД и требовать, чтобы ее мужа выпустили из тюрьмы, так как он ни в чем не виноват. Один начальник из управления, которому надоели ее частые визиты в НКВД, сказал: «Будешь, дура, всё время ходить к нам сюда, скандалить, мешать работать — и тебя заберем». Вскоре ночью за ней приехали на машине, сказали, что ей срочно надо явиться в редакцию газеты для печати неотложного и важного материала. Алевтину Николаевну и раньше по ночам вызывали в редакцию, если нужно было допечатать какой-либо материал, который должен утром быть в газете. Поэтому она поверила, понадеявшись, что ее снова берут на работу, и согласилась ехать. В ее отсутствие в доме произвели тщательный обыск, не погнушались проверить детские кроватки, разбудив спавших детей. Когда проснувшийся маленький Женя заплакал и стал спрашивать у одного пожилого на вид оперативника НКВД, где его мама, тот погладил его по голове, ответив: «Не плачь, мальчик, скоро твоя мама вернется, вот только съездит на работу и назад придет, очень скоро... ложись, спи давай». 7 февраля 1938 г. Алевтину Николаевну расстреляли в Сверд-

ловске, обвинив в недонесении на мужа, позднее ей же предъявили обвинения в «создании подпольной женской повстанческой диверсионной организации», «шпионаже в пользу польской разведки», «подготовке диверсий в заводских столовых с целью отравления

Табличка памяти погибших в годы террора Вишневецких установлена 18 июня 2016 года на ул. Пушкина, 11.

рабочих ядом и тем самым нанесения вреда промышленности Урала». Каким-то образом ей удалось отправить из Свердловска по почте открытку, как оказалось — это было последнее прощальное письмо от нее. В 1957 г. Павел Михайлович Вишневецкий, его жена Алевтина Николаевна, как и все, кто был осужден по «польскому делу», были реабилитированы Военной коллегией Верховного Суда СССР. В определении по реабилитации сказано, что следователи, которые вели дело, «осуждены за фальсификацию уголовных дел и применение извращенных методов следствия». Все обвиняемые признались в том, что никакой польской контрреволюционной подпольной организации, ставящей целью свержение Советской власти на Урале, не существовало. Они лишь старались выполнить распоряжения вышестоящего начальства, в частности, директиву Народного комиссара внутренних дел СССР Ежова. Но и здесь Советская власть «слукавила». В выданной в ЗАГСе Свердловского р-на г. Перми справке о причине смерти Вишневецкого Павла Михайловича записано: «Умер от воспаления легких».

В 1937—1938 гг. на территории СССР НКВД было арестовано 139835 «польских шпионов», 111091 из них расстреляли. Когда в 90-е гг. были рассекречены польские военные архивы, выяснилось, что всех польских шпионов по всему миру было не более 200 (!) человек.

**Шаблоны: «По следам
польской операции НКВД»**

(По материалам Е. Тихоновой и М. Мускевич)

«Польское дело» началось с приказа НКВД № 00485, подписанного 11 августа 1937 года. Две страницы циркуляра решили судьбу огромного множества простых людей: этнических поляков или просто прихожан-католиков, которые по национальности могли быть белорусами, украинцами, литовцами и даже русскими.

Из приказа:

«Основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки «ПОВ» («Польска организация войскова») и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 года начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «ПОВ» и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-х месячный срок, т. е. к 20 ноября 1937 года».

Подпись под приказом — Нарком внутренних дел СССР Ежов.

«В трехмесячный срок...» Действительно, все происходило стремительно и без особых разбирательств. Янина Викентьевна Жданова, в девичестве Шаблова, спаслась только благодаря тому, что в час ареста она не ночевала дома, а в делах, заведенных на ее маму, Викторию Эдуардовну, и брата Антона, перепутали имя — Нина вместо Янина. Одна буква спасла ей жизнь.

Янина Викентьевна была католичкой и выросла в католической семье. Документы из Пермского архива подтвердили, что ее родственники были расстреляны как прихожане костела, в соответствии с тем самым приказом НКВД.

Елена Тихонова рассказывает:

«Я до сих пор не знаю, были ли они поляками или нет. Очень хочется разыскать свои польские корни, потому что я уверена, что они есть. Прабабушка во всех документах записана литовкой. А вот ее умерший еще до «польской операции» муж, мой прадед, был из Польши. Бабушкины друзья говорили, что на самом деле его фамилия — не Шаблов, а Шабловский. И бабулин старший брат Антось, хоть и родился в Москве, большую часть сознательной жизни провел в Польше. Открытка, которую я нашла в семейном архиве, была написана на польском языке и отправлена в Пермь из Польши. «Мама, папа, привет, у меня все хорошо, надеюсь, и у вас все хорошо. Мы тут посеяли два пуда ржи, больше посеять не смогли, потому что идут дожди. Простите, что такая фотография, она минутная, просто, чтобы вам напомнить. Когда будет время, мы поедем в Янов и сделаем там хорошее фото. Целую вас всех, поцелуйте от меня братика и сестричку». Вот и весь текст. Мне эту открытку перевели совсем недав-

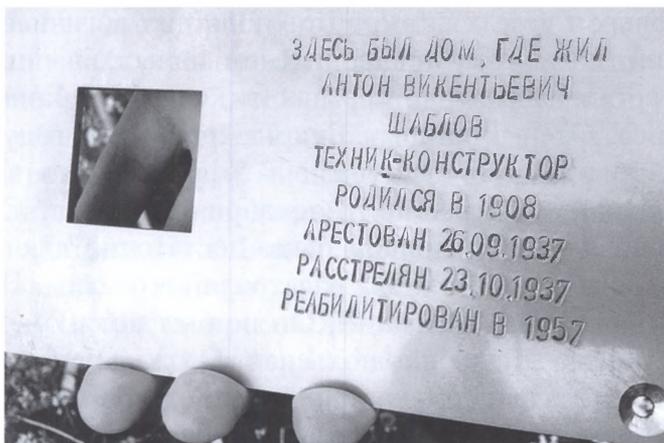
W witych stowach mego listu kochany
 papi i mama pisza do was kilka stow.
 Opisuja o swim zdrowiu i sytcii
 my jeste my wzruszy zdrowi i zywci tego
 was zycym my was list stowmalim za pironen
 serdecnie driskujemy keraz pisza co unas
 slychac unas pogody nima dade i dade i
 stoka roobitacia bardzo wielka ni wyjsie
 ni wyjecha. Luba jescza tylko posielim
 dwanasie (12) pudow i proenicy dwa (2) pudu
 a reszta nie mozno siaz bo sbraszna stoka.
 Takym dowidzeni niemam co wiczej pisac
 babu mamu i pap. nie dobtie spotyguj walambica
 spozala koo re, piszo minitnie a pap. budy wiczej casu
 do s blincim pojedyn do ranowa i odwiscimna oby dwo
 23 19 wronia

но. Из нее я узнала, что, оказывается, был еще брат Иосиф, о котором я вообще ничего не знаю, был ли он убит или спасся, нет никаких следов.

...В архиве удалось получить информацию доста-
 точно подробную, чтобы понять масштабы этой опе-
 рации и самые гнусные ее детали, которые получили
 огласку после хрущевской оттепели. Из Пермского
 архива мне достаточно быстро прислали не только
 справку, но и копии следственного дела. Тогда аре-
 стовали и расстреляли «за шпионаж» почти всех при-
 хожан пермского костела, куда ходила семья моей ба-
 бушки. Викторией Эдуардовне было тогда 54 года, она
 была домохозяйкой и пенсионеркой, Антону — всего
 29, он работал техником-конструктором в проектно-
 плановом управлении в колхозе. Расстреляли их
 очень быстро. Арест состоялся 26 сентября, а 23 октя-
 бря — уже был исполнен приговор... В их деле хра-
 нится всё — и протоколы допросов, и даже заявление

моей бабушки, которая после смерти Сталина пыталась найти какие-то следы. Несмотря на официальный курс реабилитации жертв, по-прежнему царили ложь и подлость. Моя бабушка получила свидетельства о смерти, в которых значилось, что ее мама умерла спустя девять с половиной лет после приговора, в лагере, «от сердца», а брат — «от заворота кишок». К делу приложен бланк для внутреннего использования — документ, с которым работал следователь, когда писал ответ на заявление родственника. Это такой специальный бланк, отпечатанный типографским способом, состоящий из трех частей. В первой половине бланка следователь писал, от кого поступило заявление. Вторая половина — то, что было на самом деле, а именно «расстреляны», а на обороте бланка — третий раздел, в котором была напечатана формулировка «полагал бы» и дальше черным по белому написано: следователь «полагал бы», что надо уведомить Янину Викентьевну о том, что ее родные скончались от таких-то заболеваний... Такова была директива — скрывать истинное положение вещей. А теперь благодаря «Мемориалу» я даже знаю место захоронения. Это большая братская могила рядом с Екатеринбургом, куда сбрасывали расстрелянных со всего Урала.

...Есть такой проект, который основали Сергей Пархоменко и «Мемориал», называется «Последний адрес». Очень грустная акция. Но для меня это лучшее, что можно сейчас сделать. Когда находишь всю информацию о своих родственниках, не знаешь, что дальше делать. Теряешься. И тогда выходом становится вот это: ты можешь повесить символическую табличку на стене дома, где прожил до своего послед-

Памятная табличка, установленная на доме № 1 на улице Достоевского, где жила семья Шабловых. Фото предоставлено Еленой Тихоновой.

него дня твой погибший родственник и откуда его забрали, и куда он уже никогда не вернулся. «Последний адрес». Название, по-моему, очень точное. Летом, 18 июня 2016 года, я полетела в Пермь и присутствовала при установке двух табличек на доме № 1 на улице Достоевского, где когда-то жили Шабловы.

Всего в ходе «польской операции» в Перми был уничтожен 41 человек: 39 из них были расстреляны, а двое отправлены в лагерь. Из тринадцати табличек, установленных в Перми, четыре относятся к этому делу. Установка таблички — это не просто формальность. Приходят родственники, рассказывают то, что им известно о жизни близкого человека, приносят фотографии. Это акт памяти. Проясняются новые детали, полнее вырисовывается картина всего «польского дела». Конструкторы процесса, чекисты из НКВД, стремились раздуть его как можно больше, привлекая

все новых и новых фигурантов. Для них логичнее всего было назначить предводителем польской «шпионской сети» настоятеля пермского костела Франциска Будриса. Отец Франциск Будрис еще в 1935 году, после закрытия костела, уехал в Уфу, где был позже арестован и расстрелян 16 декабря 1937 года. Одно-го знакомства с Будрисом было достаточно для того, чтобы погибнуть. Так был расстрелян его сосед, Павел Михайлович Вишневецкий. Он не был поляком, хотя фамилия его звучит как польская. Он жил через дорогу, работал электромехаником и заходил в костел помочь с ремонтом электропроводки один-единственный раз, но этого хватило... Вишневецкого расстреляли в один день с Шабловыми. Страшно представить себе этот конвейер... Его жена, русская по национальности, ходила в НКВД и умоляла отпустить мужа. Ее, конечно, впоследствии тоже арестовали. Сначала обвинили в том, что не донесла на мужа, а потом сделали «предводительницей женской ячейки польской диверсионной организации».

Приказ № 00485 запустил машину арестов, которая руководствовалась системой «планов» и «перевыполнений». Целью чекистов было не только найти контрреволюционные организации, но и показать их грозную мощь и опасность, продемонстрировать, что теперь, наконец, они уничтожены.

Какое-то время после того, как костел в Перми был закрыт, община еще продолжала существовать, прихожане собирались на квартирах. Основанием «польского дела» в Перми послужил допрос Ядвиги Константиновны Чеховской, которая сотрудничала со следствием и подписала отредактированный текст. В протоколе этого допроса и содержалась основная «легенда»,

остальные дела просто подгонялись под нее. Чеховская назвала членов «шпионской организации». Это первые 13 человек, все они принадлежали к католической общине, которая собиралась у нее дома.

Первые аресты и выбитые на допросах показания влекли за собой новые аресты. Это продолжалось до тех пор, пока НКВД не исчерпало все «дополнительные лимиты» на аресты и расстрелы после приказа Ежова. В ходе допросов люди вели себя по-разному. Чаще всего во время первого допроса всё отрицали, но уже на втором-третьем допросе подписывали всё, что от них требовали. Допрос часто длился непрерывно, несколько суток подряд. Одни и те же вопросы по кругу, менялись следователи, менялся почерк в протоколе, и в какой-то момент человек ломался и подписывал показания на своих знакомых и на себя самого...

В архивах среди других документов хранятся и протоколы допросов Шабловых.

Антон допрашивали два раза: 26 сентября и 5 октября 1937 года.

— Назовите ваших знакомых. Кто из них работает на оборонных заводах? Вам известна фамилия Будрис? Как вы его знаете?

— Как ксензда.

— Вы были в костеле?

— Да, был, один раз с родителями.

— Вы разговаривали с Будрисом?

— Да.

— Вы арестованы как шпион. Вы признаете себя виновным?

— Нет.

Последний вопрос повторяется дважды. Потом следователь зачитывает показания одного из сломав-

нал костел вплоть до его закрытия в конце 1935 года, но когда я спрашивала, что не мешает ли это его служебной карьере, он ответил мне, что это не преследуется, а когда я спросила БУДРИСА, то он меня успокоил, сказав, не беспокойтесь пани ШАБЛОВА Ваш сын знает, что он делает и то о чем Вы спрашиваете непротиворечит одна другому и идет в пользу нашей Родины.

Вопрос: Что исенда хотел этим выразить?

Ответ: Я была удовлетворена его ответом и больше не спрашивала.

Вопрос: Ваш сын сумел достать сведенье для БУДРИСА о заводе № 197

Ответ: Этого я не знаю. С БУДРИСОМ он встречался, но с какой целью я не знаю.

Вопрос: Следовательно Вы признаете себя виновной в причастности к Польской, националистической, шпионской организации и проведении контрреволюционной агитации в пользу фашистской польши?

Ответ: Да, в этом виновной я себя признаю.

Протокол с моих слов записан правильно и мне прочитан (Шаблова)

ВОПРОСИЛИ:

Нач. 3 отд.-Сержант Государственной Безопасности *Королев* (Королев)

Уполномоченный 3 отд.-Сержант Государственной Безопасности *Родыгин* (Родыгин)

ап.

*Протокол допроса В.Э. Шабловой.
Фото из архива Елены Тихоновой.*

шихся, в которых он обвиняет Шаблова. Допрос заканчивается тем, что Антон отрицает все обвинения.

Протокол допроса его матери, Виктории Эдуардовны Шабловой, прабабушки Елены, отличается от большинства других тем, что он не был ею лично подписан. Стандартная последовательность вопросов. Она называет очень многих из католических знакомых. Говорит о своем сыне, католике и комсомольце. Соглашается со всеми обвинениями. Да, была завербована Будрисом, как и сын. Он собирал шпионские сведения для ксендза. Говорила она это или нет — непонятно, потому что ее подписи нет. Напротив каждого вопроса и ответа — лишь какая-то клякса, похожая на отпечаток пальца...

Еще через два года после описанных событий, в 1939-м, многие из чекистов — следователей в «польском деле» — были расстреляны «за превышение социалистической законности». Только вот на домах этих людей никогда не повесят табличку...

Габдулхаков Хасан

Габдулхаков Хасан (1882–1973) внес большой вклад в восстановление мусульманских религиозных традиций в Пермском крае в эпоху позднего сталинизма и оттепели. С 1948 по 1962 г. он был муллой в Кояново, где находилась единственная действовавшая в Молотовской области⁵⁸ в то время мечеть.

О его судьбе удалось узнать от его внучки Мустафиной Фании, 1950 г. р., проживающей в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края.

Габдулхаков Хасан участвовал в сражениях Первой мировой войны, тогда же был переводчиком с арабского, поскольку свободно говорил на этом языке⁵⁹, рассказывал, что был в плену у финнов во время Первой мировой войны⁶⁰.

Его потомки утверждают, что он был очень образованным человеком, получил серьезное духовное об-

⁵⁸ Пермский край с 1940 до 1957 г. назывался Молотовской областью.

⁵⁹ Интервью с Мустафиной Фанией, 1950 г. р., 18.01.2014. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

⁶⁰ Интервью с Мустафиным Ралитом, 1952 г. р., 18.01.2014. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

Габдулхаков Хасан в центре.

разование в Троицке, где учился у ишана Зайнуллы Расулева. Он рассказывал, что учился 12 лет⁶¹. Пережив раскулачивание в деревне Бажуки, семья уехала в Ижевск, затем в Александровск: «Когда они уехали, маме было всего три года, значит, в 1930 году они уехали с санками зимой, после этого мама стала болезненной. Из Ижевска они вернулись жить в деревню Красный Берег. И первая его жена Хатима в 1941 или в 1942 г. умерла и похоронена в деревне Красный Берег, по рассказам моей мамы Фаимы. В колхозе, вернувшись, дед работал мельником, печи клал, выполнял разнообразную работу, а в Ижевске он работал на мебельной фабрике. Детей было всего двое от первой жены только, сын и дочь. Обычно сына муллы

⁶¹ Интервью с Мустафиным Ралитом, 1952 г. р., 18.01.2014. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

*Первая жена
Хасана-муллы
Хатима Ибрагимова
(Габдулхакова).*

женили на дочери другого муллы. Его жена Хатима, 1884 года рождения, была дочерью муллы Ибрагима, ее братом был Ибрагимов Хусаин в деревне Карьево»⁶².

В другом интервью также приводятся данные о том, что Габдулхаков Хасан-мулла «работал в колхозной мастерской, столярке, на лошади. В прежние годы он читал молитвы, проводил обряды, а в военные годы и после войны уже нет. Раньше молитвы людям читал, но в годы войны он только для себя читал»⁶³.

Брат Габдулхакова Хасана — Гатаулхак — не избежал репрессий: поскольку в 1930-е гг. он был в деревне Бажуки муллой, в 1933 г. его раскулачили, а потом расстреляли⁶⁴.

Еще во время войны стало известно о либеральном повороте государства по отношению к религиозным организациям и в целом к религиозности населения, помогавшей переживать горькую травму войны, связанную с различными тяготами и, прежде всего, потерей близких на фронтах. В 1943—44 гг. начали вновь

⁶² Интервью с Мустафиным Ралитом, 1952 г. р., 18.01.2014. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

⁶³ Интервью с Габдулзямовой Минзимой Салахиевной, записано 18.01.2014 в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

⁶⁴ Там же.

*Хасан-мулла Габдулхаков стоит
крайний справа во втором ряду.*

открывать закрытые ранее церкви и мечети. Зная об этом, мусульмане деревни Маринкино и окрестных деревень в 1946–1947 гг. создали религиозное общество для чтения молитв и выполнения суфийских практик, как мы можем предположить. В этом обществе принимал активное участие и Габдулхаков Хасан.

О стремлении переживших Великую Отечественную войну мусульман объединиться в религиозное общество в деревне Маринкино Ординского района Пермского края рассказали многие респонденты. В числе участников этих встреч были последователи ишанизма – мюриды Гарифуллы Киекова и Ахундзяна Киекова из Северной Башкирии. Некоторые молитвенные собрания проводил в 1946–1947 гг. Габ-

*Габдулхаков Хасан
со второй женой*

дулхаков Хасан⁶⁵. Его называли в числе мюридов, активно участвовавших в этих встречах⁶⁶.

Потомки Габдулхакова Хасана помнят, что он делал переводы книг с арабского, а книг у него было много, они остались в Кояново в мечети, где он работал муллой после ее открытия в 1948 г. и 1962 г.⁶⁷. Он был приглашен на эту должность, поскольку имел соответствующее образование. Уехал он туда со второй женой.

Про Хасана-муллу до сих пор вспоминают жители деревни Кояново Пермского района Пермского края, куда он был приглашен в качестве муллы.

При этом он часто летал в Уфу с отчетами. Во главе Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири вплоть до своей смерти в 1950 г. был сын Зайнуллы Расулева муфтий Габдрахман Расулев, с которым Габдулхаков Хасан, вероятно, и встречался. Возможно, именно это знакомство, случившееся во время обучения в медресе «Расулия» в Троицке, и сыграло свою роль при назначении его муллой единственной восстановленной тогда в Молотовской области мечети.

Когда Габдулхаков Хасан вернулся из Кояново в деревню Бажуки, люди часто приходили к нему общаться, задавали вопросы, беседовали с ним: «Он был общительный, на любую тему мог поговорить,

⁶⁵ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 273.

⁶⁶ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126393. Т. 2. Л. 36.

⁶⁷ Там же.

не только на религиозную. Его знали не только в деревне, но и в окрестных деревнях. Когда кто-то умирал, он ходил читать молитвы, до 1973 года он был в качестве муллы в Бажуках. Потом, когда он умер, приезжали из других деревень муллы. Хотя мечети не было уже, но муллы были, потому что кому-то надо было читать молитвы. А после его

Габдулхаков Хасан слева.

смерти старики читали молитвы, приходили из Мало-го Ашапа, из других деревень»⁶⁸.

Та информация, которую удалось собрать о Габдулхакове Хасане, позволяет сделать вывод о том, что он был не только мусульманским священнослужителем — муллой, но и последователем ишанизма, мюридом Зайнуллы Расулева. Безусловно, он обладал огромным мужеством: пережив период репрессий в 1930-е годы, он вернулся в родные места и взял на себя ответственность за руководство мечетью после Великой Отечественной войны.

⁶⁸ Интервью с Мустафиным Ралитом, 1952 г. р., 18.01.2014. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края // Личный архив автора.

**«Всё время ходит по деревням,
проводит религиозную работу»
(Мукминов Мансур)**

В начале 1948 г. вновь был запущен механизм арестов и преследований священнослужителей, сохранявших традиционную книжную и бытовую мусульманскую культуру, а также продолжавших отправление религиозных обрядов.

В феврале 1948 г. была «выявлена» «сектантская группа ишанизма», «занимающаяся антисоветской деятельностью», как значилось в следственных документах, и были арестованы приверженцы ишанизма в Молотовской области.

Ишанизм был распространенным явлением в Прикамье в начале прошлого столетия. Термин «ишанизм» является синонимом суфизму, мистическому учению ислама. Суфийский духовный наставник — «шейх» (от арабского «старец») — означает примерно то же, что и «ишан».

Система взаимоотношений ишана и его учеников (мюридов) строилась на основе постоянно поддерживающихся личных контактов по типу «учитель — ученик». Ишан рассматривался как святой, стоящий между Богом и людьми, ему приписывались сверхъестественные качества.

Среди арестованных по делу ишанизма был Мукминов Мансур (1883 — после 1952 (?)). Протокол его первого допроса составлен 15 февраля 1948 года, а обыск и изъятие документов произведены 17 февраля.

Мукминов Мансур, 1883 года рождения, как обозначено в деле, «уроженец деревни Краснояр Бардымского района Молотовской области, башкир, гражданин СССР, бывший мулла, до ареста без определенных занятий. Он является участником антисоветской организации состоящей из мусульман-ишанистов. Занимался организованной антисоветской деятельностью среди мусульман»⁶⁹.

При аресте Мукминова Мансура 17 февраля 1948 г. были изъяты деньги — 29 рублей, ручка, вся переписка и различные книги. В характеристике, написанной председателем Батырбаевского сельсовета 3 января 1948 г., читаем: «В деревне Сюзян Батырбаевского сельсовета проживает с революции 1917 г. Бывший мулла, грамотный, полезным трудом не занимается, не где не работает, дома, в деревне Сюзян, живет мало, все время ходит по деревням, проводит религиозную работу. Семья у Мукминова имеется только одна жена, детей не имеется, в армии не кто из родственников не служит»⁷⁰.

⁶⁹ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 126393. Л. 3. Сохранена орфография документа.

⁷⁰ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 14, 15, 18. Сохранена орфография документа.

Мукминов Мансур родился в семье крестьянина бедняка Мукминова Ахматуза и жил с отцом, занимаясь сельским хозяйством. Детство Мукминова Мансура прошло в Притульвье: «Со дня рождения, т. е. с 1883 года до 1903 года я проживал в деревне 2-й Красный Яр совместно с отцом»⁷¹. В 1897 году он поступил в духовно-мусульманскую школу в селе Султанай, тогда Осинского уезда Пермской губернии. Школа принадлежала ишану Мансурову Мухамет-Гата. После шестилетнего обучения до 1910 года он работал в этой же школе учителем. За время существования школы в ней обучалось примерно 300 человек и работало около 10-15 учителей. Для получения права работать муллой выпускники, окончив школу, должны были сдать специальный экзамен⁷².

Работая учителем, Мансур Мукминов решил занять пост муллы, поэтому в 1907 г. подал заявление в Духовное управление в г. Уфа с просьбой дать возможность сдать соответствующий экзамен. Сдав экзамен, он получил указ, дающий право работать муллой. В 1907 году, после женитьбы на дочери бывшего муллы Фазлытына Галеева (умер в 1916 г.), начал работать его помощником. Затем с 1916 г. по 1925 г. работал муллой в деревне Сюзянь. Помощником муллы здесь у него был Балтаев Касим⁷³.

Но установление Советской власти изменило линию судьбы Мукминова Мансура: «С 1925 по 1928 годы ходил по Бардымскому району и работал на разных хозяев. С 1928 года по 1930 год работал на лесозаготовках в г. Кизел. А 1930 г. вернулся в Сюзяново

⁷¹ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 21.

⁷² ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 21.

⁷³ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 21.

и вступил в колхоз. В 1931 году из колхоза был исключен, как бывший мулла»⁷⁴.

Далее он начал переезжать с места на место: сначала в Нижний Тагил, затем — на станцию Бисер, в г. Березники⁷⁵. В 1938 г. вновь вступил в колхоз «Передовик» в селе Сюзян. Далее Мукминов Мансур указал также, что из близких родственников у него только сестра Тантукаева Хабинсара в деревне Султанай Бардымского района — рядовая колхозница в колхозе «Красный Урал»⁷⁶.

В 1925 г. он оставил религиозную деятельность, а в 1930 г. вступил в колхоз, из которого летом 1931 года был исключен как бывший мулла, но до 1932 г. проживал в деревне Сюзян, работая в своем хозяйстве⁷⁷.

Это было время, когда усилилась антирелигиозная пропаганда и шло наступление на религиозное образование. Соблюдать религиозные традиции становилось небезопасно.

Понимая, что ситуация для него может обостриться, Мансур Мукминов не стал дожидаться раскулачивания и все свое имущество распродав и «с этого времени начал ходить по разным населённым пунктам, как Молотовской области, так и за пределами её»⁷⁸. Его скитания продолжались до 1938 г. и включали работу в разных учреждениях: разнорабочий на Лысьвенском алебастровом заводе, заготовка камня на Билимбайских рудниках, работа в колхозе в Татарстане, поиск

⁷⁴ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 19об.

⁷⁵ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 19об.

⁷⁶ ПермГАСПИ. Ф. 643/22. Оп. 1. Д. 26393. Л. 19об.

⁷⁷ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 22.

⁷⁸ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 22.

пристанища в странствиях по Башкирии, строительство барачков в Нижнем Тагиле, Саранские рудники в Чусовском районе, совхоз имени Решетникова в г. Перми и т. д. В различных местах приходилось оставаться на короткий срок, «так как я отправлял обряды по умершим татарам и крестил⁷⁹ новорождённых». Кроме того, передвижения эти были поиском прибежища, хотя бы временного, очень часто безрезультатными, более того, трагически сказались на судьбе семьи: «Через два месяца, совместно с детьми я пошел в Актанышский район, Башкирской республики⁸⁰, в деревню Сахарово. Пытался поступить в совхоз, но там работал прорабом бывший житель Бардымского района <...>, который знал меня как бывшего муллу, поэтому на работу я принят не был и мне пришлось через Бураевский и Старобалтачевский районы пойти в деревню Асавды⁸¹. В этой деревне я остановился у Шарафудина, фамилию которого не знаю и до начала 1934 года плел лапти, а потом снова возвратился в деревню Сюзянь. Жена в то время у меня умерла, осталось трое детей, с которыми я поехал в Старобалтачевский район Башкирской республики, где остановился на жительство в деревне Верхний Секяс⁸². В этой деревне одну дочь отдал в няньки, а с сыном и второй дочерью продолжал ходить до 1935 г. В 1935 г. возвратились в деревню Сюзянь. Вторую дочь оставил в деревне 2-й

⁷⁹ Примечание: Проводил обряд имянаречения.

⁸⁰ Примечание: Актанышевский район Татарстана до 1920 г. входил в состав Уфимской губернии.

⁸¹ Примечание: На самом деле деревня Асавды Татышлинского района Башкирии.

⁸² Примечание: Так в протоколе допроса, на самом деле — деревня Верхний Сикияз.

Красный Яр у старшего моего брата Мукминова Байрама, а с сыном уехал в Нижний Тагил, где поступил работать на строительство барачков. От какой конторы или учреждения строились бараки, я не помню. Но и здесь мне работать пришлось недолго, так как я отправлял обряды по умершим татарам и крестил новорожденных. Оттуда я пошел на станцию Бисер Чусовского района, где поступил на работу на Саранские рудники. Работал на этих рудниках в коммунальном хозяйстве до начала 1936 года, а потом выехал в город Молотов и поступил работать в совхоз имени Решетникова <...> до осени 1936 года»⁸³.

Но на этом перемещения по Уралу Мансура Мукминова не закончились: «Осенью 1936 года через деревню Сюзян я уехал в Куеду, где завербовался на Исаевские прииска, недалеко от станции Буй, за Нижним Тагилом, около Кушвинского завода, Нижне-Туринского района. По дороге в гор. Свердловск я сына сдал в детдом. На этих приисках работало много бардымских татар, которые знали, что я был муллой, но я, как мулла, никаких обрядов не отправлял и работал на приисках до весны 1937 г., а весной 1937 г. уехал в Верхнюю Кусьву, Каскандарского прииска. Там проработал месяц и пошел в Нижнюю Туру, а через месяц поехал на Кушвинский завод, где в то время находился мой друг — Исмагилов Ибрай. <...> У Исмагилова Ибрай я находился всего три дня, а потом уехал на станцию Подволошная, около г. Свердловск, недалеко от завода Хромпик. На кирпичном заводе станции Подволошная я встретил старых друзей из деревни Сюзянь — кулаков, как-то: Расулева Мергалима, Расулева Сунгата и других, которых сейчас

⁸³ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 22.

не помню. Все они были арестованы в 1937 г. Об их аресте я узнал тогда, когда находился в деревне Карабаш, в 40 километрах от Кыштыма. На этом заводе работали жители Бардымского района — Кузыевы Касим, Васил и Фазыл (три брата мои племянники)»⁸⁴.

Все скитания перемежались возвращениями в деревню Сюзянь, но в 1937 г. стало опасным появление в родных местах: «Я был там всего две недели и после сеноуборки имел намерение возвратиться на родину, но, дойдя до Чернушки, узнал, что в Бардымском районе много арестовали нашего брата. В силу этого домой я не пошел, а пошел в Башкирию, в Татышлинский район — Урняковский леспромхоз. В 1937 году за антисоветскую деятельность был арестован мой товарищ Балтаев Касим. <...> В Башкирии я поступил сторожем в Урняковский леспромхоз. Работать сторожем я поступил умышленно, имея намерение скрыться от ареста, где и работал до января 1938 года. В 1938 г., когда об арестах в Бардымском районе слухи не распространялись, я возвратился в деревню Сюзянь, и узнал, что мулла Карнаев Закий, пономарь, Балтаев Закир⁸⁵, мулла Иманаев Габдрахим были арестованы до моего прихода. Боясь, что и меня могут арестовать, я из деревни Сюзянь снова ушёл...»⁸⁶.

Летом 1938 г., когда волна арестов уже прекратилась, Мансур Мукминов все-таки возвратился в деревню Сюзянь и до момента ареста в 1948 г. работал в местном колхозе «Передовик».

Скитания Мансура Мукминова трагически сказались на судьбе его семьи, которая после смерти жены

⁸⁴ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 23.

⁸⁵ Скорее всего — Балтаев Касим.

⁸⁶ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 23.

оказалась разлученной. Но в то же время это, вероятно, тогда был единственно возможный выбор во имя само-сохранения: «Впоследствии места работы я часто менял, боясь, что меня могут арестовать как бывшего муллу. В особенности я начал часто менять места жительства, когда узнал, что арестовывают нашего брата. Причиной также явилось и то, что после того, как узна<ва>ли, что я бывший мулла, меня рассчитывали и я вынужден был идти в другое место и устраиваться на работу»⁸⁷.

Но мюриды имеют цель посещать других мюридов и ишанов для совместной молитвы. И в 1947 году такие визиты активизировались. Мансур Мукминов весной 1947 года ездил в г. Ижевск вместе с Назимом Мансуровым, к зятю последнего, «мулле по имени Галимзян»⁸⁸. Опыт репрессий 1937-38 годов был уже забыт, период, когда мулл сажали, канул в лету, прошла кровопролитная война, когда у всех был общий враг — и у советской власти, и у народа — фашизм. Кроме того, известна либерализация государственной политики по отношению к религии в период Великой Отечественной войны... А суфийская традиция составляла основу мировоззрения Мукминова Мансура: «Ишан — это человек, который считается святым, стоящий между Богом и людьми... Мюриды — это лица, признающие учение ишанизма, давшие клятву ишану на вечную и верную службу. Каждый мюрид принадлежит только одному ишану, под руководством которого и проводит свою практическую работу»⁸⁹.

Старожилы деревень 2-й Краснояр и Сюзянь Бардымского района о Мукминове Мансуре помнят, они

⁸⁷ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 30.

⁸⁸ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 24.

⁸⁹ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26393. Л. 25.

рассказали, что его дед — Яхья, отец — Ахматхужа, у него были братья Мукминовы Габдулхай, Миннехужа, Байрамхужа и сестра Хабибсара. Сохранилась память и о том, что он был приглашен муллой в деревню Сюзянь, а после того, как арестовали и расстреляли Балтаева Касима в 1937 г., он неофициально выполнял функции муллы в Сюзяне, поскольку официально мечеть там была закрыта властями. У Мукминова Мансура было 2 дочери — Наиля и Рашида, а также сын Камиль. В один из февральских дней 1948 г. Мукминов Мансур был приглашен по ложному вызову в деревню Султанай из Сюзяня, где якобы кто-то нуждался в его целительстве. И Мукминов Мансур шел пешком по дороге, где его уже ожидали посланные для его ареста сотрудники органов безопасности. Старожилы сохранили в памяти рассказы о том, что в момент ареста Мукминову Мансуру накинули мешок на голову и увезли на телеге в неизвестном направлении⁹⁰. Поскольку в 1948 г. ему было уже 65 лет, он не вынес тягот ГУЛАГа и умер в заключении, в деревню он больше не вернулся⁹¹. От него приходили письма родственникам — из Хабаровска, Казани, а потом с острова Сахалин он написал своим близким, что в случае смерти он скорее всего будет не похоронен, а скормлен рыбам. После 1955 г. писем от него не было. Но память односельчан сохранила формулу «Мансур-мулла».

⁹⁰ Интервью с У.К.Н., 1954 г. р., записано 10.12.2016 в деревне Березники Бардымского района Пермского края/Личный архив автора.

4 Интервью с К.С.Б., 1950 г. р., записано 10.12.2016 в деревне 2-й Краснояр Бардымского района Пермского края/Личный архив автора.

Выстрел в спину⁹²

О моем дедушке — Балтаеве Мухамматкасиме Фазыловиче — у меня с детства сохранились скудные сведения, я знала только, что он был муллой. В тридцатых годах его арестовали, и домой он не вернулся.

Моя мама — Миргунова (урожденная Балтаева) Фатыйма Касимовна — перед своей смертью в 1988 г. кое-что рассказала про деда, про его большую семью.

Из рассказов Миргуновой (Балтаевой) Фатыймы Касимовны (1917 г.р.) в 1988 г.

«У моего отца Мухамматкасима было 2 лошади, 2 коровы, наемных рабочих он не держал. Наш дом — это дом, в котором жила сестра Амина с семьей. Отец знал русский язык. Моих братьев Мухаммадуллу и Мухамматамина он учил русскому, сам привозил книги из Перми. «Русский язык надо знать», — говорил он.

В 1937 г. 5 августа его увезли по доносу одного человека из деревни вместе с односельчанином Узьякаевым Гаялтдином. До этого он несколько лет работал в Перми, шабашил на лесозаготовках, работал на строительстве Бардымской школы, в Искирской промартели и в других местах. Про него говорили, что он «троцкист». Говорят, он умер в 1942 г. в Свердловской тюрьме от голода».

⁹² К сожалению, в архивно-следственном деле на Балтаева Мухамматкасима Фазыловича (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391) фотографии не содержатся.

В эти факты некоторую ясность внесли 90-е годы. И, наконец, в начале 2002 г. впервые я побывала в государственном общественно-политическом архиве Пермской области, ныне — Пермский государственный архив социально-политической истории. Впечатлений от увиденного и прочитанного там хватит на всю жизнь.

В состоянии сильного душевного волнения я взяла в руки «следственное дело» моего деда за № 13391 в архиве ПермГАСПИ. Это дело по обвинению 28 арестованных мусульман Бардымского района озаглавлено именем моего деда. На обложке написано: «Дело по обвинению Балтаева Касима Фазыловича и других. Всего 28 человек. Количество томов 3»⁹³. А документы внутри: ордера на арест, справки, показания свидетелей, материалы допросов и очных ставок, выписки актов о расстреле и другие — не оставят равнодушным никого. Ведь эти 3 тома включают судьбу 28 человек. Некоторые из них — муллы, учителя, люди весьма образованные для своего времени.

И мой дед был таким человеком. Он родился 22 мая 1885 г. в деревне 2-й Краснояр Осинского уезда Пермской губернии в многодетной семье волостного старшины Балтаева Фазыла и его жены Майсафы — в семье было 11 детей. Учился 4 года в Куземьяровском медресе. В 22 года он женился на девушке по имени Иманаева Мафтуха Суфыевна из той же деревни — 2-й Краснояр. У них один за другим родились шестеро детей.

В начале двадцатых годов дед вместе с семьей был направлен в деревню Сюзянь выполнять обязанности имама-хатыба. Через 8 месяцев после переезда его жена Мафтуха умерла от тифа. Мой дед женился

⁹³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. В 3 т.

на семнадцатилетней Бибиасме — дочери середняка Шакир-бабая. С 1922 по август 1937 г. у них родились еще шестеро детей. От двух браков из 12 детей трое умерли в младенчестве. Осталось 4 взрослых детей от первого брака (сын Мухамматамин в возрасте 24 лет в 1936 г. был убит от рук хулиганов в Перми, защищая девушку), четверо детей от второго брака — от 2 до 14 лет. Дед даже не знал, кого носит под сердцем его молодая жена. У него, наверное, не было и в мыслях, что его неродившийся сын Габдулла Касимович Балтаев, тринадцатый по счету, отслужит в органах Внутренних дел, в 70-х годах XX века станет дважды чемпионом СССР по милицейскому многоборью.

Мой дед уже в 30-х годах был «неблагонадежным» для советской власти человеком, и в 1930 году был включен в «список кулацких семей, подлежащих выселению из пределов округа и области по Бардымскому району Сарапульского округа» вместе с женой и семьей детьми. Основанием было постановление общего собрания граждан и постановление президиума райисполкома от 16 февраля — протокол № 10⁹⁴.

Протокол заседания президиума Бардымского райисполкома Сарапульского округа гласил: «Гр-на дер. Сюзан Балтаева Касима (бывш. мулла) злостно агитирующего против Соввласти, разбазарившего имущество, семена, обложенного в индивидуальном порядке и лишенного избирательных прав выслать с семейством за пределы области и конфисковать имущество за исключением личного пользования»⁹⁵.

⁹⁴ Бардымский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 855а. Л. 65.

⁹⁵ Бардымский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 855а. Л. 71. Орфография сохранена.

Кстати, его фамилия несколько раз фигурирует в этих архивных материалах. В 1932 г. его хозяйство было распродано на торгах, а его семью — жену и семерых детей — выгнали из дома.

В 1933 г. в список кулаков по Красноярскому сельсовету, подлежащих выселению, были включены Балтаев Фазыл (отец моего деда), Балтаев Калимулла Фазылович (брат моего деда) (*Справка о реабилитации от 25 июня 1998 г. Управления Внутренних дел Пермской области № 10/3-2104/3/*), по Таныпскому сельсовету — Азмагулова (Балтаева) Фатиха Касимовна (старшая дочь деда) (*Справка о реабилитации от 6 августа 1993 г. Управления Внутренних дел Пермской области № 10/3*), а по Батырбаевскому сельсовету — дед — Балтаев Касим Фазылович. Все с семьями⁹⁶.

Две семьи из четырех отправили в г. Карабаш Челябинской области в этом же году. Прадеда Фазыла не арестовали из-за его преклонного возраста (75 лет). Мой дед Касим в 1933 г. оставался в г. Молотове, работал на заводе, то есть был «в бегах», поэтому его до поры до времени не трогали.

1937 год... Это было время, когда поиски врагов в СССР достигли наивысшей точки. И наши деды попали под этот смертельный жернов. Для этого власти нашли в биографии каждого «нужные» детали, получили ложные свидетельские показания и, арестовав всех за один день, т.е. 6 августа, в течение 46 дней решили судьбу 28 человек, в том числе судьбу моего деда. При обыске у деда ничего не нашли, изъяты только портреты вождей ВКП (б) и советской власти

⁹⁶ Бардымский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 855а. Л. 36.

с надписями, «конский паспорт», блокнот, справка Батырбаевского с/с и характеристика, монархическая брошюра, договор на замочку мочала и др.

Сейчас обратимся непосредственно к документам дела. Вот справка на арест: «Совершенно секретно. Балтаев Касим проводит агитацию против мероприятий партии-правительства и Советской власти, восхваляет буржуазный строй. Высказывает о том, что все против Советской власти, так-как они голодные и не довольны Советской властью. Часто посещает мечеть и среди присутствующих ведет контрреволюционную агитацию. Член контрреволюционно-повстанческой организации, участник в доставке оружия в Бардымский район. Подлежит к аресту и обыску»⁹⁷.

Сначала они содержались в Бардымском арестантском помещении, а 13 августа были отправлены в Куединскую тюрьму. А затем — глухой лес около Свердловска.

По этому следственному делу № 9766 в отношении деда Балтаева Касима Фазыловича установлено следующее: «Один из активных руководителей контрреволюционно-повстанческой организации. До ареста вел антисоветскую агитацию. В 1930 году на базаре в селе Барда Балтаев говорил Амирову Абубакиру: «Все иностранные государства готовят войну против Советской власти здесь тоже готовится восстание против Советской власти. Галимуллин Шамсимухамат привез оружие из Ижевского завода, привез винтовки на лошади скрыто и спрятал в деревне Краснояр, Бардымского района»⁹⁸.

⁹⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 3. Л. 313. Орфография сохранена.

⁹⁸ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 271.

В 1936 г. на улице дер. Сюзян Балтаев Касим вел антиколхозную агитацию, т.е. призывал единоличников не вступать в колхозы и высказывал пораженческие настроения»⁹⁹. Кстати, один из свидетелей сообщает, что в 1930 г. Балтаев Касим развалил колхоз, в результате его агитации вышло из колхоза 110 хозяйств¹⁰⁰.

«Балтаев Касим участвовал в подпольных контрреволюционных собраниях, при чем в конце марта месяца в 1936 г. присутствуя на таком собрании в доме Балтаева Хасана д. Краснояр выступил с речью и предлагал воспитывать молодое поколение в контрреволюционном духе¹⁰¹.

Во время наступления белой армии Балтаев Касим совместно с белогвардейцем Исаковым организовывал белогвардейский отряд, окружили красновардейцев в дер. Краснояре и захватили в плен 160 человек¹⁰².

В августе месяце 1936 года в своем амбаре обрабатывал в контрреволюционном духе Балтаева Мубаракка. В предъявленном обвинении виновным себя признал частично»¹⁰³.

На основании вышеизложенного наш дед обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Начальник Красноуфимского Оперсектора капитан госбезопасности Абоимов постановил дело обвиняемого Балтаева Касима направить на рассмотрение в тройку УНКВД по Свердловской области. Обвинительное заключение было составлено 10 сентября в г. Красноуфимске.

⁹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 271.

¹⁰⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 1. Л. 200.

¹⁰¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 271.

¹⁰² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 271.

¹⁰³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 271.

В это время арестованные находились в Куединской временной тюрьме.

А 15 сентября 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Свердловской области наш дед Балтаев Касим Фазылович был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу¹⁰⁴. 21 сентября 1937 г. в 24 часа (то есть в полночь) данное постановление было приведено в исполнение¹⁰⁵.

Чтобы скрыть следы своего преступления, палачи избрали глубокую осеннюю ночь и чащу между Свердловском (ныне Екатеринбург) и Пермью. Как же держались в эти мгновения люди, хорошо знавшие друг друга? Быть может, их сначала заставили копать себе могилы, а потом расстреляли, как это делали позже фашисты? О чем же думал мой дед, встречая смерть вместе с братом первой жены — свояком Иманаевым Габдрахимом, тоже муллою из 2-го Краснояра, и с родственниками из деревень 2-й Краснояра, Чалково и другими? Как встретили смерть эти 26 человек, понимавшие, что доживают последние минуты? Предполагали ли они, что когда-нибудь их сыновья и внуки, придя по их следам, положат на их могилы красные гвоздики?

Когда раздались звуки выстрелов, разорвавшие лесную тишину, жёны, спавшие в это время в деревнях Бардымского района, не знали, что остались вдовами, дети — сиротами, а их родители — что потеряли своих сыновей.

Только в 1958 году, после XX съезда партии, женщины и дети, в течение двадцати лет не знавшие о судьбах своих мужей и отцов, отправили письма в Министерство юстиции СССР.

¹⁰⁴ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 293.

¹⁰⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Т. 2. Л. 309.

Моя тетья, дочь Балтаева Касима — Балтаева Халиса Касимовна — 22 февраля 1958 г. тоже отправила письмо в Министерство юстиции СССР. 8 апреля того же года старшим оперуполномоченным учетно-архивного дела сделано следующее заключение: «Нашел, что Балтаев Касим Фазылович 6 августа 1937 г. арестован, 15 сентября по ст. ст. 58-10-11 осужден к ВМН. 21 сентября 1937 г. приговор исполнен. Руководствуясь Директивой КГБ при СМ СССР № 108 от 24 августа 1955 г. полагал бы: Гр. Балтаевой Халисе К. объявить устно, что отец Балтаев К.Ф. 15 сентября 1937 г. осужден на 10 лет ИТЛ, находясь в местах заключения умер 12 ноября 1941 г. от кровоизлияния в мозг. Смерть зарегистрировать в Загсе Бардымского райисполкома»¹⁰⁶.

А бюро ЗАГСа Бардымского района рапортует начальнику отдела управления КГБ Пермской области, что «На Ваш запрос № 3/1-6015 сообщаем, что смерть гражданина Балтаева К.Ф. зарегистрирована нами 20 апреля 1958 г. акт №13. Свидетельство родственникам не выдано, т.к. они не обращались»¹⁰⁷.

Сотрудники органов безопасности, принимавшие участие в расследовании дела нашего деда и других, мгновенно превратившие в 1937 г. нашего деда и других во врагов народа, к 1958 году либо погибли на войне, либо ушли из органов по различным заболеваниям, также были уволены с работы за нарушение социалистической законности. Это и неудивительно: когда в июне 1958 г. дело рассматривалось повторно, были опрошены свидетели, которые дали положительную характеристику деду, Красноярский и Брюз-

¹⁰⁶ Личный архив автора.

¹⁰⁷ Там же.

линский сельсоветы дали справку о том, что наш дед был середняком. Как горько звучат признания свидетелей, обвинявших нашего деда и других невинных людей в 1937 г., что «в то время протокол не читали», «не понимали по-русски». Как точно подходят строки из стихотворения татарского поэта Г. Рахима: «Расстрелянные сердца давно в могиле, а продажные души живы по сей день»¹⁰⁸.

6 августа 1958 г. прокурор Пермской области опротестовал решения по делу нашего деда и других: «Отменить и дело прекратить за недоказанностью состава преступления»¹⁰⁹.

И Пермский областной суд от 14 августа 1958 г. постановляет, что дополнительной проверкой установлено, что контрреволюционно-повстанческая организация, в участии в которой обвиняются Балтаев и другие, фактически не существовала, проведение обвиняемыми антисоветской деятельности не доказано: «Расследование по делу в 1937 г. производилось с грубым нарушением норм УПК. Допрос обвиняемых и свидетелей производился необъективно. Требования ст. ст. 111, 112, 140, 167, 206 УПК РСФСР не выполнены. Несмотря на то, что обвиняемые ни в участии в контрреволюционной организации, ни в проведении антисоветской агитации виновными себя не признали, показания свидетелей следствием не проверены. Переводчики не были, обвиняемые плохо владели русским языком. 17 человек не подтвердили показания, данных ими в 1937 г. и показали, что в 1937 г. их показания записаны непра-

¹⁰⁸ М. Галиев. «Настоящее имя — Григорий». Журнал «Майдан», № 9, 2001 г.

¹⁰⁹ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13391.

вильно. На основании изложенного, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.08.1955 г., президиум постановил отменить и дело производством прекратить за недоказанностью состава преступления»¹¹⁰.

Наш дед Балтаев Касим Фазылович реабилитирован постановлением Президиума Пермского областного суда от 14 августа 1958 г.¹¹¹.

Только через 10 лет, в 1968 г., 14 мая копия о реабилитации мужа отправлена нашей бабушке Балтаевой Бибиасме Шакировне. К великому сожалению, она не дождалась этого документа, так как незадолго до этого она умерла.

Из рассказов Галиевой (Балтаевой) Фарихи Касимовны (1935 г.р.) в 2014 г.

«Наш дом был там, где моя сестра Амина с семьей жила потом (ныне улица Ленина, № 89. — Прим. автора). Но в 1933 г. нас выгнали из дома. Мама вернулась со всеми нами к бабушке Хупзямал, что жила около реки, где потом жила Халиса-апа (ныне улица Ленина, № 63. — Прим. автора). Дом был двухсторонний, мы жили справа, окна которого смотрели на луг.

Моя мама Балтаева Бибиасма Шакировна просила, чтобы мы всегда хорошо работали, никому не перечили, чтобы молчали. Всегда говорила: «По винную голову меч не сечет».

Она всегда кормила соседей, которые жили бедно. Как только что не так, они говорили: «Кулацкое отродье», грозили донести властям. Еду: хлеб,

¹¹⁰ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13391.

¹¹¹ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13391.

муку и другие продукты — она даже иногда оставляла на заборе, чтобы те молчали.

А вот другая бабушка — Сара-эби — помогала маме отнести отцу в лес еду, когда он прятался в лесу летом 1937 г.»¹¹²

Пермский историк М. А. Иванова пишет: «В районах с татаро-башкирским населением изобретались организации, якобы руководимые “Всеуральской контрреволюционной организацией мусульман”, связанной с зарубежными мусульманскими центрами. Пример тому — “Бардымское дело”, по которому были осуждены в первую очередь муллы, их родственники, а также учителя. Все они считались носителями мусульманской идеологии. ... Репрессии против духовенства и верующих были сопряжены с делами повстанческих организаций, вместе с тем они также являются предметом отдельного исследования»¹¹³.

Я считаю, что когда-нибудь это дело будет исследоваться научными деятелями. А мы, в свою очередь, вносим свою маленькую лепту в это дело, вспоминая нашего деда и других, проводя вечера памяти жертв политических репрессий, устанавливая мемориальные доски и др.

21 сентября 2002 г. впервые мы организовали вечер памяти жертвам политических репрессий в деревне 1-й Краснояр Бардымского района, приуроченный к 65-летию расстрела наших отцов и дедов 21 сентября 1937 г. Всего собралось 28 человек. Самое большое

¹¹² Личный архив автора.

¹¹³ Иванова, М. А. «Из истории «Большого террора»: дела о так называемых контрреволюционных повстанческих организациях 1937-1938 годов» (По материалам Прикамья) // Вестник Пермского университета, 2002. Выпуск 3. 193 с.

количество составили родные нашего деда: трое дочерей и 15 внуков. Тогда мы договорились встречаться каждые 5 лет в этот же день.

14 октября 2007 г. — вторая встреча. Встреча проходила в той же деревне. На этот раз расширились и рамки вечера, были приглашены дети, родственники, внуки репрессированных в 1930-1950-х годах, всего около 60 человек.

21 сентября 2017 г. — в доме культуры 2-го Краснояра в третий раз прошел вечер скорби в память о жертвах политических репрессий, погибших 80 лет назад. Все были единомышленны: пусть подобное никогда не повторится. Нас было уже около 100 человек.

30 октября 2017 г. в д. Сюзянь Бардымского района была открыта мемориальная доска на фасаде мечети, посвященная двум имамам, в том числе нашему деду — имам-хатыбу Балтаеву Касиму Фазыловичу, репрессированному в 1937 г.

**Из рассказов Галиевой (Балтаевой) Сатиры
Шаймухаматовны (1950 г.р.) — внучки
Балтаева Касима Фазыловича — в 2019 г.:**

«Я очень четко помню этот сон. Это было в 1986 г. Мы только что построили новый дом. И вижу сон, как будто дед Мухамматкасим весь в белом одеянии мне читает молитву, как будто бы учит меня. И я, чтобы не забыть, ночью встала и записала эту молитву. Утром я спросила у Фатимы-эби — дочери деда, она сказала, что это сура «Аль-Ихлас». С тех пор я исповедую Ислам.

Расия-апа — внучка деда — учила меня арабскому, а Галиева Фариха-апа — младшая дочь деда — традициям и обычаям Ислама. А в 2005 г. я побывала на мемориальном комплексе жертвам

политических репрессий 20-х — 50-х годов на месте расстрела моего деда.

Я 26 лет работала заведующей детским садом в д. Сюзянь. Там я организовала мини-музей, где поместила стол, кровать, которые дед сделал своими руками, амбарный замок, туесок, треножник, ручную мельницу, а также тастымал — длинное полотенце с вышитом концом, чилкэвеч — широкое продолговатое деревянное корыто для просеивания муки и др. Все вещи из дома деда и бабушки. А с 2017 году они хранятся в музее д. Сюзянь»¹¹⁴.

Память жива — пока мы живы! А нас много!

Литература

1. Материалы по раскулачиванию кулаков Бардымского района. Дело № 855 а. Фонд № 1. Опись № 1. с. Барда.
2. Материалы по раскулачиванию кулаков Бардымского района. Дело № 855 б. Фонд № 1. Опись № 1. с. Барда.
3. «Дело по обвинению Балтаева Касима Фазыловича и других. Всего 28 человек. Количество томов 3». Дело № 13391. Пермский государственный архив социально-политической истории.
4. Иванова М.А. «Из истории «Большого террора»: дела о так называемых контрреволюционных повстанческих организациях 1937-1938 годов» (По материалам Прикамья). Вестник Пермского университета, 2002. Выпуск 3. С. 125.
5. Уразова К.Н. «Выстрел в спину» // «Рассвет» от 10 апреля 2002 г.

¹¹⁴ Личный архив автора.

Об авторах

Дегтярников Вячеслав Валентинович — пермский журналист, автор множества громких журналистских расследований, режиссер исторических фильмов. Он работал в газете «Местное время», на телеканалах «Рифей» и «Урал-Информ», главным редактором «Эхо Москвы в Перми». В 2016 году был выбран заместителем председателя региональной организации Союза журналистов России.

Кадыров Ильдар Марсович — закончил исторический факультет Башкирского государственного университета, хазрат.

Колдушко Анна Анатольевна — доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, кандидат исторических наук. В 2006 г. Анна Анатольевна участвовала в работе по гранту Рурского университета (Бохум, Германия) «Массовый террор в российской провинции», в 2007 г. принимала участие в работе над проектом «Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры 1921-1991 гг. На материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». Анна Колдушко является автором около 40 научных публикаций, в том числе трех монографий.

Миков Павел Владимирович — Уполномоченный по правам человека в Пермском крае. Избран решением депутатов Законодательного Собрания Пермского края 26 октября 2017 года. В педагогическом, правозащитном сообществе Павел Владимирович известен как

эксперт российского и международного уровня по вопросам образовательной политики, гражданского образования и образования в области прав человека, прав ребенка. Является экспертом Федерального оператора по реализации приоритетного национального проекта «Образование». Неоднократно представлял Российскую Федерацию в Совете Европы, привлекался в качестве эксперта по гражданскому образованию, правам человека, защите прав ребенка в международных проектах Российской Федерации и Европейского союза.

Новиков Павел Владимирович — родился в г. Воронеж в 1979 г., учился в СПбГИТМО, инженер-схемотехник, бакалавр богословия.

Селянинова Гульсина Дагирьяновна — доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, кандидат исторических наук. Ранее — руководитель Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ. Преподает учебные курсы: история российской культуры, устная история, историческая антропология, история российской интеллигенции.

Софьин Дмитрий Михайлович — доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Пермского регионального отделения Общества «Двуглавый Орёл», кандидат исторических наук. Является автором 30 научных работ.

Уразова Кадрия Назмухановна — учитель татарского языка и литературы. Почетный работник общего образования РФ, краевед.

**С верой в душе
и совестью в сердце**

Сборник очерков

Подписано в печать 20.12.2019.

Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Объем 9,30 усл.-печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 3096.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный,

д. 19, этаж 2, комн. 6Д, оф. 202

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com, info@bukivedi

ISBN 978-5-4465-2577-5

9 785446 525775 >